

18+

Борис Конофальский
Инквизитор
Мощи святого Леопольда

Путь инквизитора

Борис Конофальский

**Инквизитор. Мощи
святого Леопольда**

«Автор»

2019

Конофальский Б.

Инквизитор. Мощи святого Леопольда / Б. Конофальский —
«Автор», 2019 — (Путь инквизитора)

ISBN 978-5-17-137113-5

Солдат Иероним Фолькоф получил большой аванс и теперь должен его отработать, и работа будет нелегкой. Надобно ему ехать в город, вымерший от чумы, и взять в главной церкви города великую реликвию, чтобы спасти ее от поругания. Он и представить себе не мог, что его там ждет.

ISBN 978-5-17-137113-5

© Конофальский Б., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Борис Вячеславович Конофальский	5
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	47
Глава 8	56
Глава 9	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Борис Конофальский
Инквизитор. Мощи святого Леопольда

Борис Вячеславович Конофальский
Инквизитор. Мощи святого Леопольда

Инквизитор – 2

Глава 1

Если подъезжать к Ланну с юга, то с холмов его видно издалека. А слышно ещё дальше. Колокола Ланна известны на весь мир, что чтит Истинного Бога и Мать Церковь. Издали город кажется огромным и прекрасным. Чистым и белым.

Четвёртый день не было дождя, и дорога была почти сухой, хотя и изрядно разбитой. Всё вокруг как-то вдруг расцвело на солнце. Стало ярким и сочным. Птицы не унимались, словно радовались солнцу. Щебетали без остановки, улетаая ввысь над просыхающими полями. Было тепло и на удивление хорошо. Хотя лето уже закончилось.

Нога у солдата почти не болела, так что он мог ехать верхом, а не как старик в телеге. А если боль начинала донимать, он тут же звал Агнес, та с радостью шла и своими маленькими ручками снимала боль, шепча что-то себе под нос и поглаживая больное место.

Чтобы не вызывать кривотолков, всё это Волков делал вдали от посторонних глаз. Негоже доброму человеку прибегать к такому лечению, и Агнес это понимала. Агнес была умная. Чуть неказистая, чуть костлявая, но ловкая и смышлёная. Боль, словно живая, отползала от рук девочки, заползала куда-то вглубь, недовольная и мечтающая вернуться. А Агнес косилась победно на Волкова, гордая и довольная, возвращалась в телегу, которую делила с Брунхильдой. Для них двоих пришлось купить ещё одну телегу. Солдат продал лишних лошадей, купил крепкого мерина, да ещё сукно, чтобы постелить поверх соломы, да подушки для молодых женщин. Чтобы они чувствовали себя хорошо после бесконечных ухабов на дороге. Управлял той телегой молодой монах брат Ипполит, которого настоятель отпустил в помощь солдату. Помощь оказалась не лишней в дороге. А монах был рад путешествовать, он был любознательным и хотел посмотреть, что там делается в мире за пределами его монастыря. Останется ли монах с ним дальше, солдат не знал. Это станет понятно после того, как Волков попадёт на приём к монсеньору Августу Вильгельму, герцогу фон Руперталю, графу фон Филленбургу, архиепископу и курфюрсту Ланна.

Монах был нужен солдату. Они много разговаривали. Монах был почти в два раза моложе солдата, но знал почти в два раза больше. Волков самонадеянно считал себя умным, но понимал, что на фоне монаха мало что знал, кроме войны да разных земель, где он бывал.

А брат Ипполит был настоящим книгочеем. Вечерами, когда монах садился говорить с Волковым, к ним приходили послушать и Сыч, и Ёган, и Агнес, даже насмешливая Брунхильда слушала, хотя и не переставала цепляться к монаху и надсмехаться над ним. А тот мог говорить без конца, и про древних императоров, и про новые земли, открытые за океаном, и про Святое писание, и про хвори, и про лекарства. А Волков всё слушал и слушал, и особенно про хвори, и особенно спрашивал про чуму. Слушал и запоминал.

Никому из своих спутников он так и не сказал, какое задание дал ему епископ Вильбурга. Боялся им говорить. Честно говоря, он боялся, что его люди, люди, которых он уже считал своими, просто откажутся идти с ним, если узнают, куда он их поведёт. А он уже привык к ним. Быстро привык к ним. К хорошему быстро привыкают. Нуждался в них, не понимая, как раньше мог обходиться без помощников. Поэтому солдат и не торопился. Всею своё время. Когда у него будет герб на щите, ему будет легче рассказать им о велении епископа.

Настроение у всех было приподнятое. Ёган, и Агнес, и Брунхильда видели большой город впервые, да и монах видал такое диво много-много лет назад, в детстве.

– Колокола какие певучие, – благоговейно говорила Агнес, не отрывая взора от приближающегося города, – как приеду, пойду приход себе найду с большим костёлом. И чтобы весь расписан был. И чтоб красивый был, и чтоб колокола слышно было далеко.

– А вы о чём мечтаете, госпожа Брунхильда? – спрашивал Сыч вкрадчиво.

Сам он был отмыт и выбрит, и на нём была добрая одежда, новые башмаки. Сидел он на коне, а на поясе висел у него кинжал. От прошлого Сыча-бродяги и помина не осталось.

– Чего? – не расслышала красавица. Она тоже смотрела на приближающийся город.

– О чём мечтаете? – продолжал Фриц Ламме по кличке Сыч. Он всё время обращался к ней на «вы» с подчёркнутым уважением.

А она валялась на подушках в телеге простоволосая и прекрасная.

– А вот слыхала я, что в больших городах есть лекари, что умеют зуб человеку на место выпавшего вставить, – говорила девушка мечтательно.

– Зуб? – услышал Ёган аж из другой телеги, что ехала впереди, он озорно усмехнулся, оглянувшись на красавицу. – Ишь, зуб ей. Придумает же. Деревня.

– Я тоже про таких лекарей слыхал, – сказал Фриц Ламме.

– Вот вставлю себе зуб и замуж выйду за богатого. И с холопами знаться боле не буду, – почти крикнула девушка, так чтоб Ёган слышал, – а коли такого встречу, велю его собаками драть.

– Ага, мечтай-мечтай, дурень то думками богатеет, – ехидничал Ёган.

Вот он-то ни о чём не мечтал, а просто был рад вот так ехать в большой телеге, да в большой город, да напевать себе дурацкую песенку под нос.

Так они и доехали до города.

В воротах города их встретила стража, сержант на солдата только глянул, да ничего не сказал, а вот к Ёгану прицепился, остановил телегу.

– А ну покажи, чего везёшь? На продажу есть что? Если есть, то надо пошлину считать.

– Чего тебе, вещи господина везу, – говорил Ёган, показывая скарб Волкова.

– А чего там? – лез в мешки начальник стражи.

– Известно чего – доспех да железо.

– А почём я знаю, что не на продажу?

Волков развернул коня, вернулся к сержанту и спросил у него:

– Купить что желаешь?

– Я просто спросил, работа у меня такая, пошлину на товары брать, – объяснил сержант, глядя на солдата.

– А я, по-твоему, на купчишку похож? – солдат тоже смотрел на него.

– Нет, господин, – произнёс сержант. – Уж никак не на купчишку.

– Скажи, где у вас тут остановиться можно, – спросил Волков, уже смягчаясь.

– Да вот рядом, в «Дохлом псе», хорошее место, весёлое. Пиво там хорошее, – объяснял сержант, – вот по улице до переулка Мельников, свернёте туда, и сразу будет по правую руку.

– Весёлое? – Волков глянул на телегу, где сидели Агнес и Брунхильда. – С женщинами я.

– Ах, с женщинами, – понял сержант, – тогда вам нужно в «Три Висельника» ехать. Там добрый трактир для господ. Ни девок, ни ворья не бывает. Это вам по улице и до моста. А там конюшни увидите, конюшни тянутся по всей улице, место купеческое, склады там и кузни, вот там и трактир. Там есть где и телеги поставить, и коней разместить. И сторожа там по ночам бродят, ни о чём волноваться не придётся.

Туда солдат и направился. Доехали до моста через грязный ручей, забитый костями да ломаными бочками и телегами. Увидели ряды конюшен и складов, тут было суетно, на улице с трудом разъезжались тяжко гружёные телеги, возницы лаялись, грозили друг другу кнутами. Приказчики стояли у складов, отпускали или принимали товары, считались-рядились. Солдат остановил коня прямо на мостике, глядел на эту картину, пропуская телегу с бочками. И вдруг кто-то охамевший, бродяга какой-то, схватил его коня под уздцы. Лица мерзавца солдат не видел, он был в широкополой шляпе, да и не нужно было солдату его лицо, он потянул он руку за спину, чтобы как следует размахнуться плетью, ожечь подлеца.

А тот поднял голову с чёрной бородой с проседью и улыбался во весь рот.

– Полегче, брат-солдат, полегче, уж больно скор ты на расправу, – говорил незнакомец.

Волков сначала не мог вспомнить человека, но он точно знал его. Так и замерла рука с плетью.

– Фолькоф, чёртов ты болван, ты, что, не узнаёшь меня? Опустить плетень, позоришь меня, – скалился бродяга.

Вот теперь солдат его узнал. Раньше Игнасио Роха брился не часто, но никогда до такой бороды не зарастал.

– Признал я тебя, Игнасио, – сказал солдат, опуская плетень, – местные ребята из нашей роты звали тебя Скарафаджо.

– Чёртовы болваны, сукины дети, я думал, ты не вспомнишь мою кличку, – скалился Роха. – А ты, как всегда, на коне, Фолькоф. Два воза добра и холопы, и баба красивая у тебя. Жена, наверное. И конь у тебя хорош необыкновенно, – Роха поглаживал по шее коня, которого Волков забрал у миньона Кранкля, – и у холопов твоих добрые кони. Ты всегда был молодец, Фолькоф, всегда.

– А вот ты что-то не в шелках, Роха, – заметил солдат, глядя на знакомого сверху.

Шляпа старого сослуживца была хоть и модной, но драной, а одежда его была изрядно засалена и грязна.

– В шелках? – Игнасио Роха по кличке Скарафаджо невесело засмеялся и показал солдату правую ногу, вернее то, что от ноги осталось, а осталась от неё только половина, до колена, дальше шла деревяшка. – Да уж не в шелках. Видишь? Дела мои дрянь, Фолькоф.

«Наверное, будет просить денег, – подумал солдат, – дам талер по старой памяти, не больше».

Они никогда не были близки, хотя иногда ели из одного котла и спали рядом. Роха прибил к ним, попросился в корпорацию, при осаде Виченцы. Тогда его терция приплыла под стены осаждённого города, и они стали лагерем рядом с ротами, в которых служил солдат. Что случилось у Рохи с его земляками, почему он от них сбежал, никто его не спрашивал, просто однажды он пришёл и попросил взять его к себе. Старики, и сержанты, и корпорал, поговорили с ним и решили, что он будет полезен корпорации. И не прогадали. Роха был стойкий и сильный. Он был из тех, кто не побежит без причины и придёт на помощь, если нужно, но позже, узнав его поближе, люди стали поговаривать, что он вор. Да, пару раз ему это говорили в лицо, но ни разу никто ничего не доказал, с тех пор сослуживцы прозвали его Скарафаджо. Игнасио не обижался. А сейчас он стоял на мосту, гладил дорогого коня Волкова и говорил, успокаивал:

– Не волнуйся, Фолькоф, денег я просить не буду. А вот поговорить мне с тобой надо. У меня к тебе есть дело. Хорошее дело.

«Значит, хочет попросить много денег, раз так говорит», – думал солдат.

– Я еду в «Три висельника», – сказал он, хотя и не очень-то хотел ещё раз встретить Игнасио Роху. – Приходи вечером, к ужину. Там и поговорим.

– «Три висельника», – сказал Роха, прищуриваясь, – конечно, таким, как ты, богатеям как раз туда. Я приду, брат-солдат. И клянусь Святым Причастием, ты не пожалеешь, что встретил меня.

И тут раздался звонкий девичий крик, да такой, что все, кто был на конюшнях, глянули в сторону кричавшей, а это была Брунхильда:

– Господин мой, долго ли ты будешь болтать с этим бродягой, устали мы. И по нужде нужно нам.

Она стояла на телеге руки в боки, и все, кто её видел, любовались ей. А она пристально и с негодованием глядела на солдата.

– Ишь ты, какая у тебя птица – залюбуешься, – восхитился Роха. – Да-а, ты всегда был ловкачом и пронырой, Фолькоф.

– К ужину, в трактире, – сухо сказал солдат и тронул коня.

Город Ланн – это вам не Рютте. Дородный трактирщик был одет в добрую одежду, причёсан и чист. А ещё он улыбался, называя цену постоя. А вот Волков вовсе не улыбался, услышав её. Две комнаты, да с кроватями, ему и женщинам, да с перинами, а не с тюфяками, да с простынями, да по свече в каждую, трактирщик это уточнил, да постоя для лошадей из овса да сена, а их у солдата было пять, даже за место для телег трактирщик просил деньгу. Даже за воду для лошадей, и то плати! Итого улыбающийся и чистый трактирщик насчитал семнадцать крейцеров за день. Семнадцать крейцеров! И это без стола! Только кров!

Солдат стоял, думал: съехать в другое место или убить трактирщика? Да ещё Ёган подливал масла в огонь:

– Ишь ты, не милосердствует мошенник.

Но всё решила Брунхильда, огляделась, морща нос, принялась, поправила лиф платья и сказала:

– А что, не воняет тут, видно, что и пол метут, и бродяг нету. Тут останемся. Авось у господина денег хватит.

Солдат хотел было сказать, чтоб держала язык за зубами, дура, да рядиться при трактирщике постеснялся. Тот и так поглядывал на людей солдата сверху, как на деревенщину, только улыбался из вежливости.

Полез в кошель считать деньги, а трактирщик, истинный мошенник, так и косился на его кошель и удивлялся полноте его про себя. И ещё больше оттого улыбался да кланялся.

«Деньгу спрятать нужно было, – думал Волков раздосадованно, – теперь этот вор мне точно житья не даст, будет и за воздух монету просить».

Пока он шёл глядеть, как поставили коней в конюшню да сколько корма задали, к нему пришли его женщины. Главной была Брунхильда:

– Господин, денег нам дайте.

– Чего ещё? – недовольно буркнул он. – К чему вам, куда собрались?

– А что, поглядеть хотим, церкву найти себе, да и лавки с полотном видели, когда проезжали, там ткани добрые. И с лентами лавки.

– Идите без денег, тут и так с меня три шкуры трактирщик дерёт.

– Да как же без денег! – возмутилась Хильда. – Свечки в храме денег стоят, Агнес подыюбник нужен, а мыло? А на прачку?

– Ишь вы, на прачку им, барыни какие! – бубнил солдат. – Не жирно ли?

Он глядел на Агнес. Девочка мяла руки, стояла застенчивая, кроткая. Ничего не просила.

– Так вы ж сами велели грязной не ходить, – произнесла она, – мыло надобно.

– И прачка надобна, – не унималась Брунхильда, – день походишь – подол грязный, два походишь – стирать надобно, не самим же нам руки об корыто сбивать, авось и не большая деньга нужна на прачку, полкрейцера всего, да на мыло, да на свечи в храм. Что ж вам, жалко?

Волков вздохнул, полез в кошель, стал считать медь, да ловкая Хильда сгребла с его ладони всю мелочь, схватила Агнес за руку и, смеясь, пошла прочь.

– Авось не обнищает, – сообщала она Агнес, – у него кошель от денег лопнет скоро.

Солдат посмотрел им вслед и крикнул:

– Монах, иди с ними, негоже им одним по городу бродить. Ёган, коня моего не рассёдывай, поеду сейчас. Сыч, вещи выгрузите, пойдешь по городу, у местных поспрашивай, нет ли у кого жилья подешевле. Дорого тут.

Богат и красив город Ланн, а дворец архиепископа славен на все земли вокруг. Ни иные князья, ни курфюрсты такого дома не имеют, только император может себе позволить такую роскошь. За все бесконечные годы войны лучшие из маршалов еретиков приходили сюда, три-

жды приходили, грабили окрестности, а один из них, самый удачливый и опытный, ван дер Пильс, даже брал город в осаду, но через четыре месяца снял её и ушёл на север не солоно хлебавши.

И теперь солдат стоял в огромном зале среди других посетителей, ждал, пока его позовут к огромному столу, за которым восседал монах с бритой макушкой. Канцлер Его Высокопреосвященства приор брат Родерик.

Два монаха и один мирянин всё время подсовывали ему какие-то бумаги, что-то он проглядывал, что-то небрежно отбрасывал, а что-то бережно складывал в стопку рядом.

Ещё один монах стоял перед посетителями за пюпитром, он давал добро на проход в центр зала к приору и принимал у них бумаги.

Солдат уже представился ему и сказал, что у него письмо от епископа Вильбурга к архиепископу. Но это не произвело на монаха ожидаемого действия. Монах меланхолично забрал у солдата письмо и отнёс его на стол приора.

Когда у того дойдут руки до письма епископа, Волков мог только догадываться. И он пытал монаха, но тот высокомерно отвечал:

– Когда на то будет воля Божья.

И теперь солдат стоял среди других посетителей и, слушая прекрасный хор, что пел в соседнем зале, ждал своей очереди. Меньше всего ему хотелось ждать. Он боялся, что всё будет не так легко и быстро, как обещал ему епископ Вильбурга, что это ожидание может затянуться. Он представил, что ждать придётся несколько дней и в каждый из этих дней его будет обирать вор-трактирщик. Он морщился, как от боли. Даже думать о таких тратах для него было пыткой.

А ведь ещё ему нужно было искать добрых людей для дела. Это опять займет какое-то время. А искать их до того, как он уладит все вопросы с архиепископом, он не собирался. Это уж точно. Больше его не проведут.

И тут вдруг его позвали:

– Ты гонец от епископа Вильбурга? – тихо спросил монах у пюпитра.

Тут вообще все говорили тихо.

– Я не гонец, – отвечал солдат. – Но письмо привёз я.

– Пройди к столу приора, – сказал монах и уткнулся в бумаги.

Волков подошёл к столу, остановился в пяти шагах, поклонился.

Глаза брата Родерика были серы, водянисты. Он смотрел сквозь солдата и говорил как будто не ему:

– Письмо, что ты привез, будет передано архиепископу, – говорил почти неслышно он, – коли нужен будет ответ, зайди через две недели.

– Епископ Вильбурга говорил, что решение будет принято быстро, – Волков чуть не подпрыгнул после слов приора о двух неделях!

Брат Родерик продолжал смотреть сквозь него. Весь его вид – и символ веры из дерева на верёвке, и потёртое одеяние, и оловянное кольцо с молитвой – говорили о безмерном смирении. Да вот только причёска волосок к волоску, чистые ухоженные ногти и дорогие сафьяновые туфли, что виднелись из-под стола, выдавали его.

– Это и есть быстрое решение, сын мой, ступай, приходи через две недели, – продолжил приор.

Солдат был вне себя, он чувствовал, что опять всё уходит из рук. Или откладывается надолго. Он повернулся и пошёл к выходу. А монах, что стоял за пюпитром, остановил его.

– Сообщи имя своё, сын мой.

– Зачем тебе имя моё, отец мой? – вызывающе громко и непочтительно спросил Волков.

– Таков порядок, в книгу сию я записываю всех, кто был на приёме у канцлера.

– Моё имя Яро Фолькоф. Я привёз письмо от епископа Вильбурга, – всё ещё раздражённо и громко говорил солдат.

Монах заскрипел пером, уткнувшись в огромную книгу.

А канцлер брат Родерик, с неодобрением наблюдавший за устроившим шум солдафоном, жестом остановил монаха, читавшего ему что-то, и чуть повысив голос, произнёс:

– Пройди сюда, сын мой.

Поманил солдата к себе.

Все присутствующие с интересом ждали, что произойдёт.

Волков подошёл, не зная, что и ожидать, возможно, выговора за неподобающее поведение, но приор спросил его:

– Ты Яро Фолькоф, что служил коннетаблем где-то в Ребенрее?

– Да, господин, в Рютте, – ответил солдат.

– Монсеньор, – зашипел монах, стоявший за креслом у канцлера.

– Да, монсеньор, – повторил солдат.

Водянистые глаза канцлера теперь смотрели с интересом, с прищуром. Он пальцем сделал знак, мирянин, стоявший рядом, сразу достал из кипы нужное письмо, письмо от епископа Вильбурга. Сломал печать и передал его брату Родерику. Тот кинул один лишь взгляд. Один миг! И отложил письмо так, чтобы никто не мог прочесть его. Ломаным сургучом вверх. Любопытство висело в воздухе, все присутствующие хотели знать, что за человек стоит перед канцлером. А канцлер молчал, разглядывая солдата. А солдат думал: «Неужели он прочёл письмо за одно мгновение?»

Судя по всему, приор прочёл письмо, он наконец заговорил:

– Сижу и гадаю я, какой же подвиг ты, сын мой, должен был совершить во сияние Матери Церкви нашей, чтобы архиепископ тебя так наградил?

Волков молчал, думал, что ответить, а канцлер продолжал:

– Всё, что мы о тебе слышали, похвалы достойно, но что ты пообещал добродетельному епископу Вильбургскому, что он нижайше просит со всей возможной поспешностью о большой милости для тебя?

– О том распространяться я не уполномочен, да и не я ему пообещал, а он меня просил об одолжении, – отвечал солдат не то чтобы дерзко, но со знанием себе цены.

– Конечно, – кивнул понимающе брат Родерик, – как же по-другому, зная нашего наиболее блаженнейшего из всех епископов, боюсь даже придумать, что за подвиг он затеял. Во славу Церкви, разумеется?

– Во славу, во славу, – подтвердил солдат.

– Неужто подвиг так велик, что требует награды вперёд?

– Боюсь, что так, монсеньор, ибо после подвига награда мне может и не понадобиться вовсе. А с наградой мне будет легче идти на подвиг.

– Вот как? – канцлер помолчал. – Что ж, не посмею я задержать письмо брата архиепископа нашего, сегодня же сообщу о тебе Его Высокопреосвященству. Будь здесь завтра. С утра.

Приор протянул солдату руку, через стол, не вставая, чтоб тот не очень-то гордился. Чтоб знал своё место. И солдат, гремя мечом, полез чуть ли не на стол, чтобы дотянуться губами до оловянного перстня на надушенной руке.

На том приём был сразу закончен, монахи просили посетителей к выходу, и расстроенные посетители покинули залу. После и сами монахи с мирянином ушли, и пришёл другой монах, худой и невысокий. Он безмолвно стоял и ждал, пока приор размышлял, а приор надумал и заговорил:

– Человека сего доброго запомнил?

– Солдат, Яро Фолькоф, о коем нам писал аббат Деррингхофского монастыря.

– Да, он.

– Запомнил, монсеньор.

– Пусть за ним приглядят.

- Уже распорядился, монсеньор.
- И ещё к ужину пусть придёт Анхелика.
- Фрау Анхелика просила передать, что не дни свиданий ныне у неё.
- Ну, тогда найди кого-нибудь, только не из местных.
- Будет исполнено, монсеньор.
- И не из блудных. Из крестьянок пусть будет, и чтоб не жирная была.
- Жирных крестьянок ныне не много монсеньор.

До ужина было ещё много времени, но Роха уже ошивался у трактира, внутрь не шёл, трактирщик его бы выпер вон. Сидел на бочке рядом, выставив на улицу свою деревянную ногу. Грелся на солнце.

Они зашли в трактир, теперь трактирщик даже не морщился, принимая заказ. На Роху смотрел со лживой ласковостью.

- Ишь, подлец, брезгует, – скалился Скарафаджо, усаживаясь на лавку.
- Ты бы постирал одежду, может, тебя и не гнали бы, – заметил Волков, настроение у него было хорошее после аудиенции у канцлера.
- Ладно-ладно, постираю, велю старухе своей, – обещал Роха и предупредил, – я закажу пиво, только денег у меня нет.
- Заказывай всё, что хочешь, – сказал солдат.
- Всё? И свинину? Окорок? Сто лет не ел окорока, – не верил Скарафаджо.
- Окорок ему, и сыр, хороший сыр давай, и колбасу кровяную.
- Ту, в которой чеснока побольше, – уточнил Роха.
- И бобы с тушёной говядиной. И пива два кувшина, – заказал Волков.
- Неужто всё сожрём? – веселился, тряся бородой, Скарафаджо.
- Ты думаешь, мне некого кормить, кроме тебя? – спросил солдат.
- Помню-помню, у тебя и семья, и холопы.
- Семьи у меня нет.
- А девка та красивая, значит, твоя..., – догадывался Скарафаджо.
- Значит...
- А малая? Худая в добром платье?
- Какая тебе разница, – Волков не хотел говорить на эту тему с ним.
- Да никакой. Завидую просто. Всё у тебя есть, да! Ты молодец, Фолькоф, всегда был молодцом, всегда знал, где самый жир.
- Про жир я знал не больше твоего, – заметил солдат.
- Да брось, ты из всех наших один, кто знал, как поближе к офицерам быть. Как дружбу с ними водить. За столами с ними сживать.
- Вроде как и простые слова, но солдата они задевали.
- Что ты несёшь? – сухо спросил он.
- Да я не в упрёк, Фолькоф. Но тебя все считали в роте пронирой. Офицерским любимчиком.
- Кто все? – мрачнел солдат.
- Да все, вся наша рота! Вся наша корпорация. Бителли считал тебя пронирой. И все остальные тоже, особенно после того, как пропали пятьсот шестьдесят дукатов, что мы нашли в обозе под Виченцей.
- Их украл лейтенант Руфио, все это знают.
- Да-да, Руфио, вот только нашли их мы, а отдал их лейтенанту ты.
- Так положено по контракту, знаешь, что такое контракт? И не я принимал решение, так решили старшины и корпоралы. А Руфио был батальонный маршал, он хранил все деньги, – Волков пристально смотрел на Роху.

– Да, я знаю, что такое контракт, я знаю, кто такой батальонный маршал, – Скарафаджо так же не отрывал глаз от солдата. – Да только вот в ту ночь, когда Руфио сбежал, ты разводил караулы.

– Что? – солдат глядел на сослуживца, думал, что и за оружие можно взяться.

– Это не я, это Бителли всем рассказывал. Не кипятись ты.

Солдат больше не хотел с ним разговаривать. Он просто спросил:

– Ты готов подтвердить свои обвинения железом?

– Чего? Да ты рехнулся, в самом деле? Да плевать мне на те дукаты, даже если ты и поделил их с Руфио. Что было – то былём поросло. Давай лучше жрать. Ишь, придумал, я бы ещё подумал бы драться с тобой, будь я на двух ногах, крепко бы подумал, а с одной ногой ты меня подрежешь, как новобранца.

Расторопная баба стала носить на стол тарелки с едой.

– Жри, у меня с тобой жрать желания нет боле, – сказал солдат, вставая и поднося кулак к носу Рохи, – ещё раз увижу тебя тут...

А Роха вдруг схватился за руку солдата своими руками, тоже вскочил и заговорил:

– Бить хочешь? Бей! Зарезать хочешь – режь, только пообещай, что за моими спиногрызами присмотришь.

Солдат вырвал у него руку.

– И уйти мне некуда, – продолжал Скарафаджо, садясь на лавку снова, – жена у меня тощая, как бродячая собака, и злая, как цепная. И детей двое. И все жрать хотят. И за кров нужно платить. А к тебе я пришёл не жрать, дело есть хорошее, тебе по плечу будет, умный ты. А мне одному его не осилить.

Солдат молчал, смотрел на Роху, всё ещё желая ему врезать.

– Ну чего ты, садись, скоро люди придут, расскажу тебе о деле.

Волков нехотя сел, сидел угрюмый, ему не хотелось знать, что за дело затеял Скарафаджо.

А тот стал есть, да так, как будто не ел уже пару дней.

– Не подавился бы так жрать, – холодно заметил солдат, которого Роха просто раздражал.

Тот усердно жевал и вместо того, чтобы ответить Волкову, стал размахивать рукой, привлекая к себе внимание. Солдат взглянул.

У двери стояли двое бродяг. Ну, почти бродяг. Один невысокий южанин в замызганной одежде, а один явно местный, высокий, рыжий, тоже небогатый на вид. Они завидели Роху, подошли к столу. Скарафаджо звал их сесть, даже подвинулся на лавке, но эти двое кланялись и стояли, ждали приглашения от Волкова. А тот не торопился их звать, разглядывал беззастенчиво.

– Вот, Фолькоф, – заговорил Роха, – это наши друзья. Пригласи их за стол, и мы разьясим тебе наше дело.

– Роха сказал, что собрались вы зарезать купчишку какого-то на мосту, что у южного леса, там место удобное, – заговорил солдат со зловещей усмешкой. – Я согласен, зарежем мерзавца, но полталера у него хоть будет?

Двое пришедших отчаянно мотали головами, не соглашаясь резать купца. Смотрели на него с ужасом.

– Да не пугай ты их, чёртов головорез, – серьёзно сказал Скарафаджо, – у честных людей от твоих шуток живот скрутить может, за стол их лучше позови, они не знаю даже, когда ели.

– Садитесь, господа бюргеры, – Волков жестом пригласил их. – Угощайтесь, иначе этот колченогий один всё сожрёт.

Глава 2

Двое пришедших скромно присели на лавки.

Роха хотел их представить:

– Это..., – начал он.

– Пусть сами скажут, – перебил его солдат.

Рыжий, длинный откашлялся, волновался заметно, и сказал:

– Яков Рудермаер, кузнец оружейных дел и столяр. Немного.

– По тебе не скажешь, что ты оружейник, – заметил Волков, разглядывая его. – Ты местный?

Оружейники всегда и везде народ зажиточный. А этот был не так, чтобы...

– Нет, я из Вильбурга.

– А что в Вильбурге не сиделось, там оружейники не бедствуют.

– Я из подмастерья вышел, стал мастером, хотел свою мастерскую ставить, а цеховые старшины запросили двести талеров.

– Ясно, ты, понятно, отказался платить.

– Не отказывался я, просил на десять лет, а они сказали: пять и точка. Я вспылil, ругал их свиньями и крысами, они выгнали меня из цеха и пожаловались в магистрат, и меня из города выгнали. Велели пять лет в город не ходить.

– Ну, а тебя откуда выперли? – спросил солдат у второго незнакомца.

– Меня зовут Винченцо Пилески, – заговорил второй, постоянно моргая карими глазами.

– Из Фризии? – уточнил Волков.

– Да, а откуда вы знаете? – удивился Винченцо.

– Дурья ты башка, – сказал Скарафаджо, – я ж вам говорил, что мы с господином Фолькофом там воевали. В твоей Фризии три года. Уж ваш акцент ни с каким не спутаешь.

– Ну, а тебя что сюда привело?

– Ну, я повздорил с отцом невесты, – невесело сказал фризиец.

– Он четыре раза просил руки, папаша, аптекарь, считал, что он ей не ровня, отказывал. Последний раз начал его бить, парень не стерпел и надавал отцу невесты тумаков. Братья невесты обещали его прирезать, – рассказал Скарафаджо.

– Да, – сказал Винченцо Пилески. – Всё так.

– Значит, за пару тумаков папаше сынки пообещали прирезать?

– Да, – опять кивнул Винченцо.

– Он бил его поленом, старик две недели валялся, – добавил Роха.

– Да, – снова кивал фризиец.

– Ну, ясно, – сказал солдат невесело, – если мне нужно будет кого-то облаять или отлупить поленом, я дам вам знать. А теперь ешьте, добрые люди.

Он хотел встать, но Роха поймал его за рукав.

– Да стой ты, Фолькоф, мы тебе сейчас всё расскажем.

– И что вы мне можете рассказать? Как стать нищим бродягой?

– Сядь, – тянул Роха, он глянул на фризийца, – ты принёс?

– Да, – опять сказал тот и полез под одежду.

Он достал оттуда кожаный кошель и высыпал из него черный порошок, протянул его солдату на просмотр.

– Ну, – сказал Скарафаджо, глядя на Волкова, – знаешь, что это?

– Зола с помойки, – отвечал тот.

– Зола, говоришь, – оскалился Роха и приказал Винченцо Пилески. – Давай!

Тот насыпал золу на край стола, поднёс свечу и...

Порошок загорелся ярко, быстро и сильно и с шипением. А белый дым целым облаком взвился в потолок. Волков от неожиданности отпрянул.

А огонь так же быстро погас. Все присутствующие в трактире обратили на них внимание, особенно пристально глядел на них трактирщик.

– Ну, – улыбался Роха, – а теперь-то знаешь, что это?

Теперь Волков знал, что это. Этот запах он не перепутал бы ни с чем.

Это был порох, только тот порох, что он видел до этого, напоминал серый жёванный хлеб, а не чёрный порошок.

– Ну и что ты мне хотел показать из того, что я не видел? – спросил солдат у Скарафаджо. – Порох я последние девятнадцать лет нюхал.

– Это новый порох, понимаешь? – горячился Скарафаджо. – Такого ты ещё не видел. Он выглядит по-другому, от него другой дым, видел, сколько дыма?

– Новый порох, старый порох, суть одна – никакой порох никогда не будет стоить хорошего арбалета. Аркебузы годны только для выстрела в лицо, а пистолы – и вовсе безделица.

– Послушай меня, Фолькоф. Теперь всё будет по-другому, верь мне, брат-солдат. Всё будет по-другому, – Роха говорил со страстью, он готов был уже драться за свою правоту.

– Брось, Скарафаджо, года три назад, у Энне, мы построились в баталию, и на нас налетели рейтары, пытались зайти с фланга, но мы успели перестроиться, и они налетели на фронт, я оказался с арбалетом в первом ряду, они остановились шагах в десяти от нас, стреляли рядами, хорошо были выучены. Я видел, как крутились колёсики у них на пистолях, как вылетали искры из них, они делали залп за залпом, пока все ряды не отстрелялись. Кое-кому из наших, из тех, у кого был слабый доспех, досталось. И мне досталось. Две пули были мои, одна в кирасу, одна в шлем, – солдат сделал паузу, – видишь, Скарафаджо, я сижу перед тобой. Они не пробили ни кирасы, ни шлема, а одного из них я убил. Из арбалета, Скарафаджо, я вцепил ему болт в кирасу, он вошёл на два пальца, рейтар уезжал и болтался в седле из стороны в сторону, и его поддерживали товарищи.

– Это было раньше, раньше, брат-солдат, аркебузы – дрянь, пистолы – дрянь, старый порох тоже дрянь. Новый порох – это дело, новое оружие – это дело, – не сдавался Роха. – Мы покажем тебе новое оружие. Порох – это дело, Фолькоф, поверь мне, брат.

– Чушь, – не верил солдат, – что ещё за оружие с порохом? Если ваше пороховое оружие тоньше ноги и пуля меньше сливы, то это безделица. Пушки – да, все остальное – баловство.

– Послушай, Фолькоф...

– Хватит, Роха, ешь спокойно, и вы ешьте, господа бродяги, я угощаю, – прервал его Волков.

Роха уткнулся в кружку с пивом, кажется, он сдался. И Винченцо Пилески был невесел, ел без аппетита, про запас, наверное. А вот молодой мастер не собирался сдаваться. Он не ел, смотрел на солдата и, чуть подумав, сказал:

– Из своего оружия с новым порохом я пробью вашу кирасу на пятидесяти шагах.

Все перестали есть, молчали, глядели на Волкова. Тот начинал злиться из-за ослиного упрямства этих людей.

– Из какого-такого своего оружия ты пробьёшь мою кирасу? – чётко выговаривал он слова с заметным раздражением.

– Он сделал мускетту, – сказал Роха. – Когда я только записался в терцию, у нас начинали их делать, но их мало было. А сейчас стали появляться и здесь.

– Я сделал мушкет, – сказал Яков Рудермаер твёрдо и при этом глядя в глаза солдату. – И из него, с новым порохом, я пробью вашу кирасу на пятидесяти шагах.

– Ты ж не видел мою кирасу, – произнёс Волков.

– Пробью, какая бы ни была, – продолжал упрямо рыжий мастер.

– Готов побиться об заклад? – улыбался нехорошей улыбкой солдат.

– Готов, – твёрдо говорил Яков Рудермаер.

– Ты ж нищий, что поставишь?

– Поставить мне нечего, – молодой мастер вздохнул.

Солдат поднёс к его лицу кулак:

– Если пробьёшь мою кирасу, будем разговаривать дальше, а не пробьёшь...

Все всё поняли.

– Я согласен, – продолжал упорствовать Яков.

– Нет, нет, – заговорил Роха, обращаясь к солдату, – он шутит, шутит он, он не согласен.

Он дурень и не знает тебя, Фолькоф.

– Я согласен, – снова повторил Яков Рудермаер.

– Дурья ты башка, у него кулак, что твой молоток, вдарит – покалечит.

– Пусть, – упрямствовал мастер.

– Я так не согласен, – говорил Роха, – ты, Фолькоф, мне мастера покалечишь. Нет, так дело не пойдёт.

– Так, где проверять будем? – не слушая его, спросил Волков у Якова.

– Завтра на рассвете у северных ворот встретимся, там, за стеной, много пустого места.

Там проверим.

– На том и порешили, – сказал солдат, – а что вы не едите? Ешьте, ешьте, сейчас ещё пива попрошу.

Глава 3

Агнес огляделась, не слышит ли кто, и зашептала солдату в ухо:

– Блудная она, всем улыбается, всем отвечает. Нет, на простых и не смотрит, возницы да приказчики ей говорили, так она кривилась, а всем, кто в добром платье, улыбается. С одним таким и вовсе встала и говорила с ним посреди улицы. Тот в добром платье был и при оружии, и цепь у него была. С ним встала и говорила. Меня гнала, чтоб я не слыхала, о чём. Но я слыхала. Уговаривалась она с ним нынче ночью свидеться. Тот, видно, богатый, портки у него так широки, что в них и двое влезут. И на лентах снизу подвязаны, и чулки у него белые, аж глаз ломит. И цепь серебра толстого. Сказал, что ночью, после захода придёт. А сейчас она велела воду к нам в покои подать. Волосы моет и бесится, что рубахи свежей нету.

– А оружие у него какое? – спросил солдат. – Как у меня?

– Какое там, короткое, с локоть, а ручка в серебре, а у вас-то в золоте. Вам-то он не чета.

– Стар, молод?

– Молод, вам-то в сыны будет.

– Не спи, как она куда пойдёт, за мной приходи.

– Так и сделаю.

Агнес поела и ушла в покои. Солдат даже усмехнулся про себя: «Бойкая шалава эта Брунхильда, хорошо, что взял с собой Агнес, она за ней присмотрит. В первый же день себе нашла забаву. Ну, а я гляну, что за господин этот в широких портках да при оружии».

Вскоре пришёл Сыч. Жадно ел, рассказывал:

– Места в городе есть, да только таких, чтоб все наши лошади вместились да двор под телеги был, не так уж и есть. Нашёл один такой дом, просят два талера да двадцать крейцеров за месяц. Думаю, поторгуюсь – уступят, на двух сойдёмся. Но деньгу просят вперёд.

– Очень дорого, – мрачно сказал Волков.

– Так-то да, но всяк меньше, чем тут.

Тут спорить было бессмысленно. Нужно было быстрее отсюда уезжать.

– Ты спать пока не ложись, сегодня хахаль к Брунхильде придёт.

Сыч сразу переменялся в лице, от лёгкой беспечности и следа не осталось:

– Убивать будем? – спросил он, перестав жевать.

– Ополоумел, что ли? – солдат глянул на него. – За что ты собираешься его убивать? За то, что баба ему приглянулась? Так она многим нравится, ты всех резать будешь?

– Так она ваша баба, – сказал Сыч, – или нет?

– Моя. Наверное, – отвечал Волков как-то неуверенно, – но мне не нужно, чтобы ты всех убивал, кто к ней приходит будет.

– Ничего я не понимаю, ваша она или не ваша? – мрачно говорил Сыч.

– Тебе и понимать не нужно, сказал тебе не ложиться спать, вот и не ложись, – раздражённо сказал солдат.

– Так не лягу, – обещал Фриц Ламме по кличке Сыч.

Солдат видел, что он явно недоволен. Насупился. Но ничего больше говорить ему не стал.

Они вскоре поднялись к себе в покои, монах и Ёган уже были там, валялись на тюфяках, но никто не спал, монах читал вслух книгу, Ёган слушал. Солдат, не раздеваясь, завалился на кровать. Перины тут были хуже, чем у барона Рютте.

Но долго сравнивать перины ему не пришлось, вскоре в дверь поскреблись. То была Агнес:

– Нарядилась вся, пошла. Свистел он, – сообщила она шёпотом.

– Ну, и мы пойдём, – сказал солдат, – монах, ты тут останься с Агнес.

Он, Ёган и Сыч спустились вниз, в трактир. Там было уже немногочисленно, и за одним из столов сидели они: Брунхильда – хороша, как никогда, – и юноша лет семнадцати из богатой, по его виду, семьи. Перед ними стояли высокие бокалы из стекла с вином.

Брунхильда, как увидела солдата с его людьми, окаменела лицом, рот разинула, сидела ни жива ни мертва. Волков, Ёган и Сыч встали рядом со столом, за которым они сидели. Юноша, оценив ситуацию, храбро встал, так они постояли чуть-чуть, разглядывали друг друга, Ёган с усмешкой, Сыч с откровенной ненавистью, а солдат просто прикидывал, кто этот малец. А юноша храбрился, конечно, но страх до конца скрыть не мог, тем более что девушка тянула его за руку и шептала:

– Господин, не грубите ему, не думайте даже грубить.

И он не выдержал и срывающимся голосом, чуть не фальцетом, крикнул:

– Что вам от нас нужно, добрые господа?

– Да ничего не нужно нам от тебя, зарежем тебя и всех делов-то, – мрачно сказал Сыч и взялся за рукоять кинжала, что носил на поясе.

– Да за что же? – удивился ноша.

– А чтобы женщин наших не касался, отродье чёртово, – Сыч был настроен решительно.

Волков жестом велел ему замолчать и спросил у мальчишки:

– Кто таков?

– Удо Бродерханс, я сын выборного корпорала городских пекарей.

– Значит, невелика шишка, – заметил Сыч, – режем ему горло да в канаву с падалью, тут недалеко есть такая.

– Помолчи, – приказал ему солдат. – А что ты делаешь, Удо Бродерханс, с этой женщиной здесь в столь поздний час?

– Я? – спросил юноша, не находя ответа.

– Да, ты, – подтвердил Ёган ехидно, – или тут ещё кто есть, что с ней винишко распивал да ляжку ей гладил?

– Я... я..., – не находил, что сказать, юноша.

– Он сказал, что любит меня, – выкрикнула Брунхильда, – не трожьте его, он хороший.

– Когда полюбить-то успел? – удивился солдат.

– А, ну это меняет дело, – продолжал ехидный Ёган, – так ты, мил человек, пришёл просить руки, а чего сватов-то не прислал? Недосуг, небось, было? Решил сначала девку-то опробовать, а потом уже сватов слать?

– Я... Нет, мне папенька жениться не велит. Я просто поговорить с госпожой думал. Просто...

– Поговорить, паскудник, врёт ещё, – свирепел Сыч.

– А чего ж ты ночью-то пришёл разговаривать? – не отставал от него Ёган. – Чего дозволения у господина нашего не спросил на разговор? Забыл, наверное?

– Поиметь он её хотел, – продолжал Сыч. – Про любовь ей сказки-то в уши лил, а она, дура, и растаяла, как масло в жару. Бесплатно хотел девахой полакомиться.

– Не твоё собачье дело, – вдруг встряла Брунхильда. – Захочу, так бесплатно дам, я вам тут никому не жена.

– Вот и я про то, бесплатно хотел девку поиметь, – резюмировал Сыч. – Резать его надо.

– Почему же бесплатно, – лепетал юноша, косясь на него, – если так – то я готов заплатить.

– Ну, раз так, то всё хорошо, – вдруг произнёс солдат, – талер с тебя и пользуйся нашей Брунхильдой до утра. Её покои свободны.

– Талер, – искренне удивился Удо Бродерханс, – да у меня столько и нет.

– Нет? – спросил солдат, усмехаясь и отчего-то радуясь. – А вот цепь у тебя зато есть. Ёган, забери-ка у господина его цепь.

Ёган бесцеремонно стянул с головы юноши берет, бросил его на стол и потом снял с него цепь.

– Цепь шесть талеров стоит, – робко возражал тот.

– Принесёшь завтра талер, так верну тебе цепь, – обещал ему солдат, взвешивая цепь в руке. – А пока пей вино да води потом нашу Брунхильду в покои её. А мы тебе завидовать будем.

Юноша и не нашёлся, что ответить, а Волков, Сыч и Ёган пошли к себе. А Ёган говорил, поднимаясь следом за солдатом:

– Ох и легко вам даются деньги, господин.

А Сыч был мрачен. Будь его воля, зарезал бы он этого мальчика.

– Ну что? – спросила Агнес, когда они вошли в покои. – Прогнали похабника?

– Тут спать будешь, – отвечал ей солдат.

– Тут? – девочка смотрела на него удивлённо.

– Тут.

– Я с этими на полу спать не буду, – Агнес поджала губы.

– Ложись со мной, – сказал солдат, – кровать широкая.

Агнес согласилась без слов, стала снимать платье. Осталась в рубаше, полезла к солдату в кровать, долго мостилась.

– Ишь, – бубнил Ёган, укладываясь между монахом и Сычом, – что ни баба – то благородная. На полу не лягут, всё в кровать к господину норовят.

Вскоре все уже спали, дорога выматывает, не спал только Сыч, ворочался да вздыхал. Мечтал зарезать Удо Бродерханса.

Луна уже плыла по небу, когда неприметный человек вошёл в дворец Его Высокопреосвященства. Человека стража даже не остановила, просто провожала взглядом, когда он проходил мимо.

Он бывал тут не раз, знал, куда идти. Когда он добрался туда, куда нужно, он остановился и низко кланялся.

– Ну, что так долго? – недовольно произнёс канцлер Его Высокопреосвященства. – Мне уже должно быть на докладе. Жду тебя.

– Не мог уйти, хотел доглядеть, чем дело кончится, – сказал пришедший.

– Не тяни.

– Наш головорез бабу свою продавал.

– Вот как? – приор брат Родерик заинтересовался. – Продал?

– Продал за талер. Какому-то сопляку из местных пекарей. Видно, у героя денег нет, хотя до того платил за стол, не скупился. Его холоп по дворам ходил, искал жильё подешевле, в трактире, мол, дорого.

– А стол был богат? Сам ел или холопов своих хорошим столом баловал?

– Не беден стол был, сыр, окорок, колбасы. Пиво. Сам ел немного, сначала бродяг кормил из пришлых, коих в городе последнее время много, потом и холопам своим дал есть.

– Что за бродяги?

– Не могу знать, двоих видел впервой, одного бородатого видал раньше, из ратных людей он. Сейчас ищет, чем поживиться, в солдаты не идёт, ноги у него нет.

– О чём говорили, не знаешь?

– Не знаю, монсеньор, говорили тихо, хотя почти до драки доходило. Кулаки совали под нос друг другу. Наш герой на расправу скор и не труслив, людишки его побаиваются. Думаю, что умён, смотрит на человека с прищуром, слушает его внимательно, думает что-то. Но умён не шибко, вспылчив больно. Волю рукам даёт.

– Ещё есть что?

- Нет, монсеньор, завтра ещё погляжу за ним.
- Выясни, кто другие бродяги, с которыми он пил. Ступай. Стой.
- Да, монсеньор.
- А что ж за баба там такая, что за неё талер отдали? Неужто так хороша?
- Зуба у неё нет.
- Всё, что ты разглядел?

– Нет, молода, свежа. Волосы белые с рыжиной. Высока. Не худая, не жирная. Грудь не мала, не велика. Зад от пола высок, нога длинная. На лицо пригожа. Хочет выглядеть как благородная. Хотя поговору из мужичья, не из босняков, ну, может, из мельников, из чёрного люда точно. Но зуба верхнего нет. То и портит её.

- А головорез, значит, продал её.
- Как лошадь в наём сдал, сам спать пошёл, а мальчишка из пекарей её в покои повёл.
- Ступай.

Человек поклонился и вышел, а приор тоже в зале не остался. Поторопился по бесконечным коридорам и лестницам туда, куда никто из посторонних попасть был не должен. В личные покои Августа Вильгельма, герцога фон Руперталя, графа Филленбурга, курфюрста и архиепископа славного города Ланна.

В покоях архиепископа приор оказался не один, тут уже был его лекарь, незаметный монах, из самых близких, и пожилая монахиня.

Сам он сидел в кресле с высокой жёсткой спинкой, а монахиня мазала ему красные шишки на ногах коричневой мазью с едким запахом. Последние десять лет архиепископ страдал подагрой. А лекарь не мог найти нужного лекарства. Что только ни пробовал и кому только ни писал. Всё впустую. Но архиепископ его не гнал, то, что болезнь не усугублялась, он и тому был рад. Он знал, что некоторые другие нобили страдали куда тяжелее от этого недуга.

А приор стал рядом, как и другие, наблюдал за действиями монахини.

- Не молчи, – сказал архиепископ, взглянув на него, – что сегодня случилось?
- Ничего, что достойно вашего внимания..., – начал брат Родерик.
- Кроме..., – продолжил архиепископ.
- Кроме письма от вашего брата.
- Конечно, от епископа Вильбурга. Другие братья меня редко беспокоят.
- От него, монсеньор.
- Что желает мой брат?
- Желает, чтобы вы даровали рыцарское достоинство одному доброму человеку. И причём без промедлений.

– И что задумал епископ Вильбурга?

- Пытаюсь выяснить.
- Значит, не знаешь.

– Пытаюсь выяснить. Но, зная нравы нашего добродетельного епископа, боюсь, что деяние это будет не во славу Матери Церкви нашей.

– Да уж не во славу, – согласился Его Высокопреосвященство. Помолчал и продолжил, – Думаешь, он опять затеял какое-то воровство или войну с каким-нибудь соседом?

- Грешен, что так думаю, монсеньор.
- Ну а человек, о котором просит мой брат, кто он? Знаешь о нём что-либо?
- Из добрых людей, аббат Деррингхофского монастыря писал о нём, я вам докладывал.
- Не помню.

– Он убил в поединке миньона принца Карла фон Ребенрее. И высек на деревенской площади одного из безбожников Гиршей.

- Ах, это он! Я помню, ты говорил про него. Он твёрд в вере?

– Аббат пишет, что твёрд и не алчен. И ещё он вырезал вурдалака с его выводком и провёл в одном баронстве аудит. Я думаю, что наш благочестивый епископ в союзе с таким головорезом натворят таких дел, что у еретиков опять будет повод злословить по поводу святых отцов.

– И что думаешь делать?

– Думаю, что будет благоразумным не дать свершиться тому, что задумал наш добродетельный епископ. Чтобы не давать повода врагам нашим для хулы нашей.

– И...?

– Выдворю его из города или посажу под замок на пару месяцев. А потом выдворю.

– Угу, – архиепископ задумался на мгновение, – а на кого же ты собираешься опираться, если будешь сажать в подвал добрых и смелых людей, твердых в вере, что достойны самой большой награды. Неужто на ленных рыцарей? Или на свободных рыцарей? Или на солдат, что алчут только серебряные сольдо? Кто станет опорой твоей в трудный час?

Приор молчал, он был растерян.

– Итак, что ты намерен предпринять? – продолжал архиепископ.

Монахиня намазала ему ноги и теперь заворачивала их в полотно.

– Ну, если мы дадим им то, о чём просит епископ, мы можем получить очередную неприятность. Может, мы просто откажем этому солдату в чести? И он уедет отсюда и не будет служить епископу.

– То есть мы откажем епископу, моему брату, в его просьбе, и не наградим человека, который этого заслуживает?

– Да, монсеньор, сие будет разумно, до тех пор, пока мы не узнаем планов добродетельного епископа Вильбурга.

Архиепископ поглядел на приора тяжелым взглядом и произнёс:

– А напони-ка мне, сын мой, ты ж хорошо помнишь все цифры, – когда в последний раз еретики стояли под стенами нашего города, сколько добрых людей прислал нам епископ Вильбурга?

– Кнехтов более тысячи человек, монсеньор.

– С добрым ли оружием были они?

– С добрым оружием, монсеньор. И с хорошим обозом.

– А ленных рыцарей, а других всадников он присылал?

– Присылал, монсеньор, всех рыцарей было двадцать два, все были с ратными людьми и с холопами. И кирасир более шестидесяти. И от личной охраны епископа жандармы были семь копий.

– Личной охраны семь копий значит, были от него, – задумчиво повторил курфюрст Ланна, – это всё?

– Ещё шестьдесят арбалетчиков были и шесть двадцатифунтовых кулеврин с огненным запасом. А ещё казна была от него. Шесть тысяч золотых дукатов.

– А посильна ли помощь эта была, мог ли дать больше епископ Вильбурга мне?

– Помощь удивительна была для столь небогатого епископства, удивлялись мы все, как благочестивый епископ Вильбурга смог собрать такую рать и столько денег. Думаю, что он отдал все, что у него было.

– Угу, угу, – архиепископ смотрел на своего канцлера, – значит, ты помнишь про помощь брата моего и тут же предлагаешь мне отказать вернейшему из подданных моих, брату моему, да ещё предлагаешь мне посадить под замок доброго человека, что славен подвигами своими?

– Я пекусь о добром имени вашем, монсеньор, боюсь, что богобоязненный епископ наш и его добрый человек свершат то, что упрёком будет имени вашему и Имени Матери Церкви нашей.

Взгляд архиепископа становился всё тяжелее, и от того приору становилось горько на душе.

– После индульгенций нам бояться упрёков не нужно, хуже уже ничего не будет, – архиепископ опять помолчал, размышляя, и заговорил, – рано я доверил тебе столь ответственный пост, рано. Да больше и некого поставить, обмельчал народец после такой войны. Нет тонких людей. Давно не вижу их.

Брату Родерику были обидны слова курфюрста. Стоял, теребил чётки, глаза в пол. Но, проглотив обиду, глянул на господина своего и спросил:

– Так как же мне поступить, монсеньор?

Курфюрст молчал, он глядел на свои завернутые в полотно ноги. Видимо, боль донимала его. Наконец он произнёс:

– Головореза моего братца было бы лучше убить тихо, да что это даст, братец мой неугомонен. Нового найдёт и уже без нашего ведома дело продолжит, сейчас головорезов много вокруг рыщет. За всякую работу берутся, лишь бы платили. А то, что братец воровство затеял, любой скажет, кто его знает. Не может он без воровства и свары. И что имени моему будет укор от дел его, тоже любой скажет, кто его знает. Мы сами деяниями своими даём еретикам палку, которой они и бьют нас. Головорезу достоинство дадим, послезавтра, раз брат просит, медлить не будем. В кафедрале, после утренней мессы, пусть будут все мои добрые люди, не менее капитанов, из тех, что сейчас в городе есть... Пусть там будут комтуры и божие дворяне тоже. Разошли приглашения. Пиши им, что доброму человеку будет даровано звание кавалера за дела его. Проси быть.

– Неужто он достоин такой чести, что лучшие ваши люди должны быть там? – спросил канцлер удивлённо.

Архиепископ посмотрел на него, как на неразумное дитя:

– Брат мой и другие дети мои должны знать, что любая просьба их будет исполнена мной со всеми подобающими мелочами. А иначе как я буду призывать вассалов, детей моих, под знамёна свои, коли буду недостойным сеньором?

– Так, значит, мы не будем чинить препятствий добродетельному епископу Вильбурга? – спросил приор, опять удивляясь.

– Узнай, что задумал он, и поди прочь, устал я от тебя, – сказал архиепископ.

Приор поклонился так низко, что снова почувствовал едкий запах мази, которой лечили ноги курфюрста. Он вышел из покоев и почти бегом кинулся в свою приёмную.

А архиепископ произнёс сам себе:

– Молод, глуп, а где взять лучше?

А приор добежал до своей канцелярии, где его ждал монах в тишине и одиночестве. Тот сразу понял, что произошло что-то из ряда вон выходящее, но сказал на всякий случай:

– Монсеньор, ужин давно ждёт вас и гостя тоже.

– Гостю гони, не до неё мне сейчас, вино и сыр вели сюда принести. И человеку нашему скажи, что удваиваю плату, пусть от головореза приезжего не отходит, пусть всех своих людей соберёт и выяснит, что за дело затеял вильбургский вор-епископ.

– На заре скажу ему.

– Не на заре, сейчас беги к нему. Сейчас. Его Высокопреосвященство раздражены, желают знать, что опять задумал братец его. Всегда, всегда, как дело касается его брата... этого его брата, так жди беды. Как только я письмо от него увидал, так понял, что будет наш господин недоволен.

– Иду, монсеньор, – поспешил монах.

– Бери охрану и беги. Пусть всё выяснит, иначе пусть не попадается мне на глаза.

Глава 4

Игнасио Роха по кличке Скарафаджо вид имел кислый. Он вертел в руках кирасу солдата и был явно не весел. А Ёган пошёл отсчитывать шаги по мокрой от росы траве. Солнце ещё не разогнало обрывки утреннего тумана. А вот Яков Рудермаер и Виченцо Пилески были бодры и энергичны. Яков развернул тряпку, в которой были мускетта и рогатка-держатель. Если поставить эту мускетту на землю, то высотой она была выше плеча солдата. Длиннущая труба из серого некалёного железа да с тяжеленным прикладом. Пилески достал кожаный мешок, они шептались, отмеряя чёрный порошок. Стали заряжать оружие.

– Хорошая у тебя кираса, – уныло сказал Роха, – с нахлёстом да с крутым ребром. Калёная.

– Калёная, – кивнул солдат, усмехаясь, – калёная.

Он был уверен в своей кирасе до тех пор, пока не увидел оружия, которое длиной было с полевую кулеврину. Но даже теперь он не думал, что на пятидесяти шагах свинцовый шарик пробьёт калёное железо.

А вот двое дружков Скарафаджо почему-то не сомневались, что им броню пробить удастся. Пилески начал раздувать фитиль, а рыжий Рудермаер пошёл к Ёгану – понёс кирасу.

Дойдя до него, они вдвоём набили кирасу камнями и комьями земли, чтобы не качалась во время попадания, и водрузили её на старый пенёк.

– Запаливай, – крикнул Рудермаер.

Пилески установил мускетту на рогатку, стал целиться. Ёган и рыжий мастер отошли в сторону, чтобы, не дай Бог, не зацепило.

Пилески поднёс дымящийся фитиль к полке с порохом.

ФффсшшпаааХх! – грохнуло так, что Волков невольно закрыл уши руками. Огромное облако белого дыма ветерок понёс в сторону.

Ёган подошёл к кирасе и крикнул:

– Нет дырок!

– Конечно, нет, – крикнул солдат, – дурень и близко не попал!

– Заряди-ка, я пальну, – сказал недовольно Скарафаджо.

Рудермаер не поленился, прибежал, стал помогать заряжать мускетту, они снова шептались, а солдат только улыбался, глядя на них. Теперь стрелял Роха. Он целился долго и наконец, приказал Пилески поднести фитиль:

– Запаливай!

ФФссшшПаХХ! На этот раз выстрел звучал по-другому, и Роха был заметно ближе к цели. Пуля вырвал маленький кусок земли вместе с травой в трёх шагах точно перед кирасой.

– Сатана под руку толкнул, – зло сказал Скарафаджо.

– Я б из арбалета уже два раза попал бы, – заявил Волков язвительно.

– Ну так попади из этой чертовщины, – сказал Роха, протягивая ему мушкет.

Волков не взял и сказал Виченцо Пилески:

– Ну, заряжай.

Снова прибежал Рудермаер, они стали вдвоём заряжать оружие.

– Сыпь больше, – говорил мастер аптекарю тихо, – оба раза не долетело.

– Разорвёт, боюсь, – отвечал тот.

– Не разорвёт, сыпь больше.

– Не сыпь больше, – произнёс солдат, ему самому хотелось попробовать, – сыпь как в прошлый раз. Я сам выстрелю.

Мастер и аптекарь посмотрели на него с удивлением и продолжили.

Теперь целился солдат, он учёл расстояние, взял угол больше, чем Скарафаджо, всё рассчитал, ну, насколько мог верно, а рядом с тлеющим фитилём в руках стоял аптекарь. Ждал приказа.

– Пали, – скомандовал Волков.

Тот поднёс фитиль.

ФФссШшППаххх.

К грохоту солдат был готов, а вот сильного удара в плечо не ожидал. Пока он отходил от боли в плече да пока рассеивался дым, Ёган уже проорал радостно:

– Попали, господин!

– Пробил? – орал Роха.

– Кажется, пробил, – негромко сказал Пилески.

А вот солдату не казалось, он и сам видел, что кираса пробита. Рудермаер вытряс из кирасы землю и камни и торжественно нёс её хозяину. Принёс.

Роха отнял кирасу у него, ковырял пальцем дыру:

– Прямо на ребре пробило, я говорил тебе, Фолькоф, а ты не верил. Ну, кто оказался прав?

– Ты бы стрелять поучился лучше, – отвечал солдат чуть раздражённо.

Да, он был раздражён, а ещё он был удивлён... и даже подавлен. Да, именно подавлен. Случилось что-то невообразимое, о чём он и думать не мог. Случилось то, что рушило его мир. Мир крепких лат, сильных арбалетов, алебард и пик. Теперь всё это перечёркивало какое-нибудь хлипкое ничтожество с мускетой в руках. Да ещё этот Роха тряс перед ним дырявой кирасой, радостно вопрошая:

– Знаешь, что это? Знаешь?

– Моя кираса, – ответил Волков зло.

– Нет, это не твоя кираса.

– А что же это?

– Твоя серебряная посуда, дорогие кони и дом с холопами, – говорил Скарафаджо радостно.

– Да? – всё ещё раздражался солдат. – Прямо дом с холопами?

– Это само собой, но я сейчас о другом. Друг мой, Фолькоф, я держу в руках смерть благородных. Им конец, больше они не смогут прятаться за своими дорогими доспехами. Понимаешь? Это их конец. И конец этой сволочи из Хайланда, что слезают со своих гор. Теперь вся эта горская сволочь уже не будет кичиться своими латами, которые стоят сорок коров. И эти имперские ландскнехты тоже спесь поубавят. Понимаешь?

Солдат прекрасно понимал это и от души хотел дать Рохе в морду.

– Ты же сам болтал, что ты идалго, – зло сказал Волков, – говорил, что у вас в терции каждый четвёртый идалго.

– Все наши идалго, и я в том числе, идут в терцию как простолюдины, потому что на коня и доспехи денег нет. А теперь и здешние благородные будут не важнее, чем нищий идалго. Понимаешь, о чём я? Эта штука всех уравнивает.

Он продолжал трясти кирасой. Солдат грубо вырвал её из рук Скарафаджо и сунул её Рудермаеру:

– Заделаешь дыру, и чтоб красиво было.

Тот молча кивнул, забирая кирасу. А солдат вырвал из рук аптекаря кожаный мешочек с порохом, пошёл хромя к коню.

Роха запрыгал на своей деревяшке за ним:

– Ну, что будешь делать? Давай решай, дело верное. Ты не прогадаешь. Мы эти мушкеты будем продавать сотнями.

Волков молчал, Ёган помог ему сесть на коня.

– Ну, что ты молчишь? – не отставал Скарафаджо, хватая его за стремя.

Солдат нащупал в мешочке с порохом пулю, достал её, она была из свинца и величиной с большую вишню. Он подбросил её на руке и произнёс:

– Приходите к обеду в трактир, я подумую.

И поехал в город.

– Что он ответил? – спросил Пилески, подходя к Рохе.

– Сказал, чтобы пришли в трактир к обеду, – со вздохом отвечал тот.

– Думаешь, он возьмётся?

– Молись, коли знаешь молитвы, чтобы взялся.

– Да мы уже, почитай, год молимся, – сказал подошедший Рудермаер. – Да только все смеялись над нами.

– Вот и ещё помолись, – зло сказал Роха. – Он не смеялся. Он думает.

Он всегда думал, чёртов умник.

Во дворец архиепископа ехать было рано, но он всё равно поехал.

Оставил коня в конюшне, поднялся в залу приёмов. Думал, дожётся там назначенного времени, а там уже было много народа. И все важные господа. Не ленились, приходили рано, ждали. А вот ему ждать не пришлось. Монах у пюпитра сразу его заметил, и побежал докладывать канцлеру.

Брат Родерик не поленился, вышел из-за стола навстречу солдату.

– Рад видеть вас, сын мой, – тихо заговорил он, улыбаясь, – и рад сообщить, что вопрос ваш решён положительно. Как только я рассказал Его Высокопреосвященству о ваших подвигах, он незамедлительно распорядился об акколаде.

– Об акколаде? – удивился солдат, он не знал, что это.

– Князья мирские посвящают в рыцари, пастыри Церкви совершают акколаду. Рыцари церкви принимают в объятия нового брата-рыцаря, – пояснил приор. – То есть, служить вы будете не прихотям нобилей, а лишь во славу Господа и Матери Церкви нашей. А всё остальное будет, как и у мирских рыцарей. И герб, и почитание. Ну так что, примешь ли ты акколаду?

Руки Волкова вспотели, он хотел сказать, что примет, да не мог. Сопел только.

А приор стоял ждал с удивлением. Не ожидал он, что этот простолюдин ещё будет раздумывать. Наконец солдат выдохнул:

– Да, приму, конечно...

– Что ж, раз так, то прими омовение сегодня. Ночь проведи в молитве, а утром будь у кафедрала нашего, на утреннюю мессу. После неё господин наш снизойдёт к тебе благодатью и примет тебя в объятия свои.

– Я обязательно буду, – солдат поклонился низко.

А приор сунул ему руку для поцелуя и произнёс:

– Ступай, добрый человек, молись и очищайся.

Он шёл по залу, где было достаточно важных людей, которые с интересом рассматривали его, а он их даже не замечал. Он шел, глядя в пол, сжимая и разжимая кулаки. Волнение поедало его, опять, в который уже раз. Он понимал это и повторял себе снова и снова: «Угомонись, дурень, не мечтай, уже дважды такое было, и дважды тебе отказывали. Пока в разрядную книгу не впишут твоё имя – всё пустое». Но куда там. Он не мог остановиться. Как в тумане забрался на коня, как в тумане ехал по городу, чудом ехал правильно. А когда отдышался и волнение поутихло, так стал смотреть вывески: искал художника, искал портного. Думал, как будет выглядеть на щите герб, как пошить ливреи в его цветах из хорошего сукна, но чтоб не дорого. Думал, дать ли такую одежду Сычу. Думал, думал, думал. Так за думками доехал до

трактира. Тут его волнение окончательно поутихло, и решил он ничего никому из своих пока не говорить. Пусть завтра всё будет для них сюрпризом.

А в трактире его уже ждали. Первая пришла говорить Агнес. За ней терпеливо ждал монах.

– Серчает она на вас, лает вас дураком и вонючим хряком, и другим подлым словом, я такое говорить не буду, – шептала девочка. – И послала меня просить у вас денег семнадцать крейцеров.

– Зачем это ей столько денег? – удивлялся солдат. – И с чего это я вонючий хряк, я из её знакомцев так самый не вонючий. Я моюсь, почитай, каждый день и в купели моюсь каждый месяц. И одежда у меня стиральная. Дура она.

– Конечно, дура. Лается она от злобы, потому как вы с её ухажёра денег взяли, а она по любви с ним миловаться хотела, думала, что он её замуж возьмёт. А деньги нам на купальню нужны, для дам туда вход шесть крейцеров стоит.

– Шесть крейцеров! Рехнулись? А вы прямо дамы, – едко заметил солдат. – Не жирно ли вам? В корыте бесплатно помылись бы, Ёган вам натаскал бы воды.

– В корыте нехай поросята плещутся, – разумно заметила Агнес, – а нам надобно в купальню.

– И что вам там? – не понимал Волков.

– Да всё, сидишь в купальне с горячей водой, а холопы тебе холодное вино приносят, и музыка играет, – Агнес почти глаза закатила от предвкушения счастья, – тем более вы сами велели замарашкой не ходить, мыться.

– От холодного-то вина горло не заболит? – поинтересовался солдат.

– Не заболит, все городские девки, и бабы тоже, в купальни ходят, ни у кого не болит, и у нас не заболит. Давайте, господин, двенадцать крейцеров на купальни, да на полотно заворачиваться, да на мыло, чтобы розами тело пахло, да на вино, итого семнадцать надобно. Давайте, а то Брунхильда серчает на вас.

В другой бы раз он не дал бы, но сейчас... В этот день он просто не мог отказать. Полез в кошель, отсчитал и дал деньги Агнес, та от радости быстро обняла его и убежала наверх за Брунхильдой.

– Разорят они меня, они и этот чёртов город, дорогой он, дьявол! – злился Волков. – Ладно, пусть помоются, завтра нужно быть всем чистыми, – и теперь обратил внимание на монаха. – Ну а тебе что?

– Господин, прошу дозволения уйти до вечера, – сказал брат Ипполит.

– Вообще-то я тебе не хозяин, – заметил солдат, – а куда ты собрался, наверное, помолиться? Храм какой-нибудь знаменитый нашёл?

– Нет, господин, тут в Ланне живёт один великий врачеватель, Отто Лейбус, я читал его труды, он две книги написал, очень хочу с ним поговорить, есть у меня замечания к сращиванию костей, которые описаны им. Думаю, ему будет интересно.

– Хм, – солдат заметно ёрничал, – конечно, ему будут интересны твои замечания. Ну, ступай, только смотри, чтобы тебя его холопы не отлупили, беги, как только выскажешь свои замечания.

Монах быстро поклонился и пошёл. А Волков вдруг задумался, и когда монах дошёл уже до двери окликнул его.

– Погоди, поеду-ка я с тобой, замечаний к великому учёному у меня нет, а вот пара вопросов есть.

– Вот как, – удивился брат Ипполит, – ну что ж, пойдёмте.

– Ступайте, господин не практикует, – крикнул мордатый слуга из окна второго этажа и, как подтверждение, плеснул из таза помой на улицу.

– Мы приехали издалека, и нам нужен его совет, – не сдавался солдат.

– Уходите, господин не принимает, вас много таких приезжает издалека. А господину работать некогда из-за вас, – слуга был твёрд.

На монаха было жалко смотреть, видимо, он уже готов был смириться. Да вот солдат был не готов.

– Эй ты, передай хозяину, что я дам ему талер, если он ответит всего на один вопрос, – крикнул Волков. – Всего один вопрос!

– Убирайтесь к чёрту! – заорал слуга. – Мой хозяин не нищий, сказал, что не примет – значит, не примет! Хоть пять талеров дай ему.

– Один вопрос – один талер, – не отступал солдат.

– Нет, – слуга с шумом закрыл ставень.

Монах был готов зарыдать.

– Ну не штурмом же брать этот дом, – резонно произнёс солдат, – хотя можно, конечно, подождать, пока дверь откроется. И тогда...

Брат Ипполит посмотрел на него с испугом. Солдат засмеялся:

– Нет, я не собираюсь вламываться в дом силой, просто можно подождать, пока этот учёный муж или его слуга выйдут на улицу.

И тут ставень окна отворился, и слуга спросил:

– А что у вас за вопрос к господину?

– Тебе, дурню, не понять, – сказал Волков. – То вопрос для учёных мужей. Ну так что, выпускаешь?

– Впускаю, – недовольно буркнул слуга.

Бумаги, бумаги, бумаги, книги, бумаги. Все помещение было в бумагах. Они лежали повсюду, даже рядом с камином, в котором тлели головешки.

Отто Лейбус был не молод, стоял посреди этого моря бумаг, опирался на палку. Было не холодно, но учёный не снимал меховой накидки до пола, на ногах его были войлочные сапоги, а на голове плотная шапочка с «ушами». Он внимательно, с чуть заметной улыбкой разглядывал вошедших. Вошедшие поклонились, монах почтительно, солдат вежливо. Учёный им ответил.

– Меня зовут Яро Фолькоф, а это мой спутник брат Ипполит, – представился солдат.

– Имя ваше восточное, северо-восточное, а говорите как южанин, как хайландец, долго воевали на юге? – спросил Отто Лейбус.

– Недолго, три-четыре года, но долго служил с ламбрийцами и хайландцами в одном отряде.

– Видимо, от них и переняли особенности их речи, – произнёс учёный. – Вина, пива? Может, еды? Не стесняйтесь, коли вы готовы платить талер за один вопрос, на который я не обещал ответить, то и угостить я вас обязан.

– Спасибо, не надо, – за всех отказался молодой монах, он заметно волновался, и заговорил с жаром, – магистр, я прочёл обе ваши книги о лечении переломов, я многому научился, но кое с чем согласиться не могу.

– Вот как, – учёный предложил им сесть и сам сел в мягкое, солдат таких еще не видел, кожаное кресло. – Я, молодой человек, тридцать лет ездил от турнира к турниру, где сильные мужи и юноши калечили себя и своих коней, не было ни одного турнира, где бы мне не пришлось хоть одному из храбрецов сращивать кости. А чем можете похвастать вы?

– Ну, конечно, – чуть замаялся монах, – мне до ваших деяний не близко, я всего пять лет помогаю лекарю Деррингхофского монастыря, но вот что я заметил...

– Стоп, – прервал его Волков, – уж прости меня, монах, но я не для того пришёл сюда, чтобы слушать о костях. Я хочу знать другое.

– Так, наверное, другое – это то, за что вы грозились заплатить монету? – уточнил старый лекарь.

– Да, я хочу знать, как мне заехать в чумной город, в котором вымерла чуть не половина народа, и выехать оттуда живым.

И монах, и учёный уставились на него с недоумением. И когда насмотрелись, учёный спросил:

– А так ли нужно вам ехать туда, иного пути нет?

– Иного пути нет, – твёрдо сказал солдат.

Учёный старец замолчал, подумал немного и заговорил:

– Ещё Илино́р Иси́лойский заметил, что чума всегда идёт с юга на север. Всегда так, по-другому не бывает. Он предположил, и я с ним согласен, что это южные ветра приносят с далёких южных болот чёрные миазмы, которые рожают у человека нарывы. А другие считают, что это земля источает яд, некоторые думают, что это жи́ды распространяют болезнь. Теорий много. Но вас интересует, как противостоять болезни. Как противостоять. Да. Как же не заразиться? Некто Жерар Иммуан написал трактат, что болезнь эта не что иное, как поток невидимых «скотинок», которые переползают с человека на человека и так заражают их.

– Блохи, что ли? – спросил Волков.

– Много меньше блох они. Думаю, это глупости, но факт остаётся фактом. Половина чумных докторов в городах пережили чуму, потому что предохранялись от этих «скотинок».

– И что ж они делали для предохранения? – поинтересовался монах.

– Наш доктор пережил чуму. Схоронив тысячи больных. Я спросил его, что он делал. Как охранял себя от болезни. Он рассказал.

– Ты бы записал всё, монах, – сказал солдат.

– Я запомню, – отвечал тот.

– Первое дело – вощёные перчатки. Он не снимал их. Второе дело – маска, но маску он снимал постоянно, в ней плохо дышится. Третье дело – ежедневные омовения, он мылся дважды в день, и только горячей водой. Чистое тело и никаких гадов на теле, ни вшей, ни блох. Коли сидишь в доме зачумлённого, не прикасайся к перинам и подушкам, чтобы клопы и вши на тебя не взо́брались. Вода только кипячёная, еда только горячая. Он протирал лицо и руки после каждого больного сарацинской водой или крепким уксусом.

– Сарацинской водой? – переспросил солдат.

– Знаете, что это?

– Да.

– Вот, в общем-то, и всё, что я могу вам сказать о чуме. Я мало о ней знаю, я врачевал всю жизнь переломы и контузии. Наш чумной доктор знал о ней почти всё, но он получил практику и кафедру в другом городе и переехал. В общем, чистота и крепкий уксус могут помочь. Я надеюсь на то.

– Ты всё запомнил? – спросил Волков у монаха, а сам достал из кошелька монету.

– Всё, господин.

Волков протянул деньги лекарю:

– Спасибо вам, может, ваши советы спасут нас.

Лекарь деньги не брал, он улыбнулся:

– Нет нужды. Я не беден. Я просто хотел поглядеть на человека, что платит талер за один вопрос. И не пожалел об этом. Но меня разбирает любопытство, вы странная пара, монах и солдат, и собираетесь забраться в чумные места. Что вы задумали?

– Я и знать не знал, что мы собираемся в места такие, – признался брат Ипполит, глянув на солдата.

– Вот и дальше не знай, – произнёс Волков. – Спасибо, что потратили на нас время.

– Не хотите ли отобедать? – неожиданно предложил учёный.

- Рад, но меня уже ждут, – ответил солдат.
- А вас, юноша?
- Меня? – монах даже удивился. – Меня никто не ждёт, я свободен и хочу поговорить с вами о переломах и контузиях.
- Вот и прекрасно. Яков, накрывай стол.

Глава 5

Дверь за Волковым едва успела закрыться, а сам он едва успел скрыться за поворотом, как в эту же дверь начал настойчиво стучать неприятного вида человек. Яков, слуга господина лекаря, сразу открыл, думая, что гость зачем-то вернулся, но там был не гость. И этот «негость» бесцеремонно притянул Якова за грудки к себе и тихо спросил:

- О чём солдат говорил с твоим господином?
- О болезнях, – чуть испуганно отвечал Яков.
- Солдат хвор, что ли?
- На вид здоров как конь. Только хром. Говорили они о чуме.
- Чумы нет уже почитай полгода в округе. О какой ещё чуме он говорил?
- Спрашивал, как чумой не захворать, коли в чумных местах окажешься.
- А что за чумные места такие?
- Вот и хозяин спросил, так он не ответил, даже его монах о том не знал. Сам удивлялся.
- Даже монах, что с ним был, удивлялся? Не знал, что задумал солдат?
- Да.

Неприятный человек помолчал, а потом, не прощаясь, пошел быстрым шагом прочь. А Яков на всякий случай осенил себя святым знамением и затворил дверь.

Игнасио Роха по кличке Скарафаджо, Яков Рудермаер и Виченцо Пилески сидели за столом в трактире хмурые и назло трактирщику ничего не заказывали, но трактирщик их не гнал, терпел этих оборванцев. Ведь они пришли к его богатому гостю. И когда гость пришел, они ему кланялись, все, кроме Рохи. Солдат сел с ними за стол. Заказал пива. Пока его не принесли, все молчали. И только отхлебнув пива, Волков заговорил:

- Так сколько мне будет стоить ваша затея, если я возьмусь за это?

Ни Роха, ни Рудермаер не отважились заговорить, заговорил Пилески:

– Господин, мы всё посчитали. Мы нашли место здесь, в городской черте, у стены. Очень дешёвое место. Городской магистрат просит за участок со складом шестьдесят шесть талеров.

- Шестьдесят шесть? – солдат насторожился, – Что ж там за участок, большой, наверное?

– Не малый, – сказал Рудермаер, – шагов тридцать пять на пятнадцать. У самой стены.

Волков в лице переменился от такой цены.

– Там ещё сарай есть, – добавил Пилески.

– Ну, это всё меняет, – заметил солдат. – Теперь этот клочок земли точно стоит таких денег. И это не все траты, как я понял?

– Нет, ещё нужно сто шесть талеров на инструмент, наковальни, постройки, и нам жить негде, – произнёс Рудермаер. – Хоть маленькую избушку себе построим.

– А ещё мне нужны чаны под выпарку селитры, – добавил Пилески.

– Шестьдесят шесть и сто шесть, – подсчитал солдат, – сто семьдесят два талера.

У него были такие деньги, если считать вексель от Рицци, что тот выдал Волкову в Рютте.

– То есть, если у нас ничего не выйдет с вашими мускеттами, я потеряю сто семьдесят два талера?

– Меньше, у тебя же останется земля в городе, – заметил Скарафаджо.

– И инструмент с наковальнями, – добавил Рудермаер, – и крепкая кузница.

– И чаны, хорошие, медные, – сказал Пилески.

– Вот сто пятьдесят корзин угля, конечно, мы вернуть не сможем, – произнёс мастер. –

Но если всё получится... Один мушкет будет стоить меньше десяти монет. А продавать его можно в два раза дороже. Пятнадцать минимум. А при двух мастерах и ещё паре подмастерьев мы будем делать три в неделю.

– Сто семьдесят два талера, – произнёс Волков, как будто не слыша их, – я всю жизнь их копил.

– Фолькоф, я просто чувю, что это затея сделает нас богатыми, – убеждённо говорил Роха. – Никто не делает подобного на обоих берегах Эрзе от гор и до холодного моря. Ни мы, ни еретики, ни хайландцы, ни ламбрийцы, никто.

– Это большие деньги, Роха, большие, это всё, что у меня есть, – отвечал солдат.

– А ты – всё, что есть у нас, – продолжал Скарафаджо, – ты наша последняя шеренга. Вся надежда у нас только на тебя, и за тебя я буду биться, как не бился никогда в жизни. Мы все будем биться. Клянусь, я зарежу любого, кто попробует нам помешать. Давай, Фолькоф, рискни, ты не пожалеешь, что связался с нами.

– Вы не пожалеете, господин, – добавил Пилески. – Во всяком случае, даже если не выйдет с мушкетами, будем делать новый порох.

– А отчего это у нас не выйдет с мушкетами? – не согласился Рудермаер. – Всё должно получиться.

Солдат оглядел их и произнёс:

– Я буду всё считать, я люблю считать. И землю я хочу посмотреть.

– Значит, берёшься? – уточнил Скарафаджо.

– Берусь, – ответил солдат, а про себя подумал: «Если, конечно, выберусь из чумного города живым».

И молодой мастер, и аптекарь, и Роха вскакивали с мест, стали орать и обниматься. Все немногочисленные посетители смотрели на них неодобрительно, особенно не одобрял их поведение трактирщик. Но молчал. А они лезли с объятиями к солдату. Тот отпихивал их, а они опять лезли.

– Угломонитесь вы, – чуть раздражённо говорил он, – сядьте. Денег я дам, на покупку участка, но сначала мне нужно сделать дельце одно, и для этого мне понадобятся хорошие люди, Роха, знаешь таких, есть хорошие люди в городе? Человек десять-пятнадцать. На две недели надобны. Не для войны, для охраны. По полтора талера на душу дам за две недели работы.

– Конечно. Таких людей сейчас много. Работы всё меньше, как еретики убрались за реку. Найдём.

– А ещё мне нужна сарацинская вода, – Волков глядел на аптекаря, – знаешь, где взять?

– Конечно, знаю, – кивнул Пилески. – А вам простая нужна или двойной перегонки?

– Я так думаю, что двойной перегонки, наверное, двойной.

– Сколько нужно?

– Двадцативёдерная бочка.

– Сколько? – удивился аптекарь.

Все с удивлением посмотрели на солдата.

– И ещё мне нужна бочка крепкого уксуса. И перчатки провощённые – пар двадцать пять. Пара телег с мериными в обоз. И почини мне кирасу, она может пригодиться, – добавил он, указывая пальцем на Рудермаера.

– Всё найдём, – заверил Роха, – но, видно, дельце ты затеял не простое.

– Ещё какое непростое, – согласился солдат, – да только не я его затеял.

– Расскажешь? – спросил Скарафаджо.

– Нет, – отрезал солдат и крикнул: – Эй, трактирщик, давай обед!

– Я думал, ты никогда этого не скажешь, – произнёс Роха, – сейчас поедим и можем пойти посмотреть наш участок, вернее, твой участок.

– Нет, после обеда я иду молиться, а завтра приходите в кафедрал к утренней мессе.

– Ты стал набожный, Фолькоф? – удивился Роха.

– А помолиться пред большим делом никогда не повредит, – сообщил Рудермаер.

– Это верно, – согласился Пилески.

– Завтра будьте на утренней мессе, – сказал солдат и закончил этот разговор.

На обед вскоре пришли Ёган и Сыч. Волков не скупился – трактирщик радовался. А когда обед подходил к концу, появился молодой Удо Бродерханс, булочник, он увидел солдата, подошёл и без слов, но с поклоном положил на край стола, рядом с локтем его, новенький белый талер.

Так же без слов солдат достал цепь из кошель и, забрав монету, положил цепь. Юноша взял цепь, а потом наклонился к солдату, тихо, почти в ухо проговорил:

– А возможна ли скидка для меня за свидание с госпожой Брунхильдой?

– А зачем тебе скидка, папаша-то у тебя не бедный? – так же тихо отвечал солдат, глядя на юношу с усмешкой.

– Уж больно много денег просите, мне не осилить столько. Могу двадцать крейцеров предложить.

– Шучу я, дурень, – чуть повысил голос солдат, – и деньгу я с тебя только за наглость твою взял. Иди сам с ней договаривайся.

– Правда? – удивился сын пекаря.

– Иди с Богом, – сказал солдат.

– Ну, можешь мне сказать что-нибудь? – брат Родерик пристально смотрел на вошедшего.

Тот немного медлил, обдумывая, как подать информацию, ведь главного он не выяснил, но узнал много чего, что давало кое-какое представление о планах приезжего головореза.

– Что ты молчишь? – раздражался канцлер. – Мне через два часа вставать на утреннюю мессу. Я не могу ждать тебя до рассвета.

– Не знаю, с чего начать, он затеял какое-то дело. Хочет вроде как с бродягами делать большие аркебузы, здесь у нас в городе.

– Что за аркебузы?

– Большие, почитай, в два раза больше обычной. Утром испробовали одну такую, нашему головорезу вроде как понравились. Думают мастерскую ставить.

– Это всё? – в голосе приора звучало разочарование. – Аркебузы?

– Вроде всё, что имеет значение, он, правда, ещё ходил к нашему знаменитому лекарю, я думал, что кости полечить, а он у него всё про чуму спрашивал.

– Про чуму? – приор оживился. – А что он спрашивал про чуму?

– Спрашивал, как выжить в чумном месте.

– В чумном месте? – приор задумался, откинулся на спинку кресла, потирал пальцы, словно липкие они у него стали, и разговаривал сам с собой. – Так нет уже в округе чумных мест, уже как полгода. Чума к еретикам на север ушла. Нигде чумы уже не осталось, – он замолчал.

И уже про себя стал рассуждать: «Ну разве что в Фёренбурге. Конечно, Фёренбург! Епископ Вильбургский решил пожить чем-то в Фёренбурге. Он уже посылал туда людей, да люди сгинули там. Нашёл нового наёмника, а тот согласился лишь за рыцарское достоинство туда идти. Видно, и вправду не дурак и просто так в чуму лезть не хочет, готовится, по лекарям ходит. А в Фёренбурге власти нет, принц Карл фон Ребенрее обложил город заставами, ни туда, ни оттуда никого не пускает, хотя формально город ему не подчиняется, город живёт по Лиденгофскому праву, сам себе сеньор, но это не значит, что принц Карл будет доволен, если этот вор из Вильбурга что-нибудь там украдёт. Карл и сам там хотел бы пограбить. Да боится портить отношения со свободными городами. И нам нет нужды портить их. Они и без того набиты еретиками. Не дай Бог еретики с севера начнут новый поход, так свободные города-сеньоры могут припомнить нам это воровство и встать на сторону еретиков. Нет, допустить этого решительно нельзя! Но уговорить вильбургского вора нет никакой возможности, он брат

архиепископа, значит, придётся убрать головореза, только по-тихому. Чтоб епископ не обо-злился. И чтобы архиепископ не узнал».

Пока приор размышлял обо всём этом, человек, что приносил ему новости, терпеливо ждал. Не думал он, что весть о походе головореза к лекарю вызовет у приора интерес и долгие размышления.

– Ступай, – наконец произнёс канцлер, – глаз с него не спускай. Каждый шаг запоминай.

– Доброго вам сна, господин, – произнёс человек и вышел.

А приор тут же забыл про него, как и про сон. Монаху, что стоял за креслом, он приказал:

– Ступай к протонотарию, тотчас; если прелат не почивает, проси аудиенции для меня немедленно.

Монах с поклоном вышел.

Спать больше брат Родерик не хотел, он хотел только помешать епископу Вильбурга в его воровстве, но так, чтобы, не дай Бог, не вызвать гнева господина своего архиепископа Ланна, поэтому он просил аудиенции у протонотария брата Антония, нунция Его Святейшества при дворе архиепископа Ланна. Брат Родерик был уверен, что нунцию папы нужно быть в курсе того, что собирается предпринять епископ Вильбурга. И он поудобнее уселся в кресле, ожидая возвращения своего человека от нунция. Он знал, что брат Антоний мало спит, так что ещё до утренней мессы они смогут встретиться. Если на то будет воля Божья.

И Божья воля на то была. Папский нунций был монахом, но кровать его была не монашеской, в его кровати могли уместиться четверо. Кровать была огромной, перины мягкими и тёплыми. Брат Антоний крепко спал, но умный прислужник не побоялся разбудить протонотария и сообщить, что пришёл человек от канцлера. Брат Антоний долго и долго искал сближения с приором, доверенным лицом архиепископа, но до сих пор их общение не выходило за рамки служебных обязанностей. И тут вдруг такая удача. Брат Родерик просил об аудиенции. Ночью! Брат Антоний почти бежал на встречу. А встретились они на улице. Канцлер Его Высокопреосвященства архиепископа Ланна брат Родерик и нунций Его Святейшества папы брат Антоний говорили долго, и оба остались довольны разговором. Умный нунций разделил опасения приора о недопустимости вредных действий епископа Вильбурга, а умный канцлер был рад услышать от нунция, что Церковь обязана сделать всё, чтобы не допустить упрёка Имени своему. Они разошлись, когда небо на востоке уже алело. Канцлер поспешил в кафедрал, там уже готовились к утренней мессе, которую должен был лично служить архиепископ. А нунций пошел к своим людям и разбудил одного из монахов-рыцарей, что служили Великому Престолу, и сказал ему:

– Человек один действиями своими принесёт Матери Церкви упрёк Имени её. Такого случиться не должно.

– Мирянин, отец, нобиль? – поинтересовался монах-рыцарь.

– Солдат, а ныне станет рыцарем, архиепископ совершит акколаду сегодня. Имя его Фолькоф.

– Никогда не поднимали мы оружия на братьев-рыцарей, – отвечал монах-рыцарь.

Нунций был удивлён строптивостью брата, ему пришлось настоять:

– На то воля Божья, то во благо Святому Престолу и Матери Церкви нашей.

– То грех, брат, – заметил монах.

– То мой грех, брат, – решительно произнёс нунций.

– Да будет на то воля Божья, – нехотя произнёс монах-рыцарь.

Агнес спала абсолютно безмятежно, пока не стало светать.

И тут её словно душить стало что-то. Как не было спокойного сна. Заметалась она по кровати, лягнула Брунхильду, что спала рядом, а потом стала задыхаться, словно душила её верёвка. Она проснулась, села на кровати. Солнце первыми лучами уже проникло в комнату

через маленькое окно. Брунхильда спала спокойно, как может спать молодая здоровая женщина. А Агнес тряслась, словно в лихорадке. Тревога овладела девочкой. Она встала и босая, в нижней рубахе, вышла из комнаты. Ей нужно было сказать господину что-то, а что, она сама ещё не знала. Постучала в дверь покоев, где спали мужчины, и дверь отворилась. Она вошла внутрь, все были на месте: и Сыч, и Ёган, и монах. Все они спали на полу, а вот кровать была пуста. Господина не было. Агнес залезла на кровать, посидела и тихо заплакала. Так она и сидела на кровати, надеясь, что господин вскоре придёт. Но он не шёл. А вскоре Ёган проснулся и сказал ей, чтоб шла мыться и одеваться, что господина не будет и что всем нужно идти на утреннюю мессу в главный храм города, что господин уже там. Агнес пошла одеваться, надеясь, что её сон – всего лишь сон.

Глава 6

Всё, что до сих пор для солдата было важным и значительным, стало мелким и пустым на фоне того, что происходило.

Народ, пришедший на утреннюю мессу, которую служил сам архиепископ, после мессы разошёлся не весь, узнав, что в церкви еще что-то намечается. А ещё там были все люди солдата: Ёган, Сыч, Брунхильда, Агнес, брат Ипполит, и Роха пришёл, и Пилески, и Рудермаер. Для всех то, что происходило, было полной неожиданностью, только Ёган был в курсе. Он принёс алое сюрко и подушку для коленопреклонения, и позолоченные шпоры. Пел хор, в этом прекрасном и большом храме был прекрасный хор. Архиепископ во всём своём облачении рукою призвал солдата к себе. Волков уже был облачён в красное сюрко. Он всю мессу был в нём. И когда к нему подошли два отца Церкви и повели его к алтарю, у которого стоял архиепископ, у солдата перехватило дух. Да так, что жарко ему стало, и звуки шли, словно издалека, и в ногах его случилась слабость, и хромать он стал заметно сильнее. Он не мог понять даже, наяву ли всё это происходит. Он оглядывался. Видел лица своих людей, видел вылезшие от удивления глаза Игнасио Рохи и понимал, что это явь. А архиепископ, улыбаясь, взял его руки в свои ласково. И, как по команде, хор стих, в соборе повисла тишина, и святой отец зычно произнёс, так, что было слышно в самом дальнем углу храма:

– И сказал Господь: «По делам вашим воздастся вам». Так прими, сын мой, то, что заслужил!

И грянул хор, так красиво и торжественно, что Волков едва мог дышать от волнения. Кто-то подложил перед ним подушку красную, кто-то заставил его поставить на неё колени, хор снова смолк, а архиепископ стал читать молитвы над ним. Но он их не слышал. Склонив голову и глядя на богатые туфли курфюрста-архиепископа, он думал:

«Господи, со мной ли это происходит, не сон ли это?»

Он не знал, сколько это всё продолжалась, и пришёл в себя, только получив хороший удар по шее. И услышал слова архиепископа:

– И пусть удар сей будет последний, на который ты не ответишь.

И снова грянул хор, а его подняли с колен, перед ним поставили скамейку, он не мог понять для чего, пока одну его ногу прислуживающий отец не поставил на неё. Сам архиепископ во всём своём тяжёлом облачении склонился перед ним и стал на его сапог надевать шпору позолоченную. Затем то же произошло и с другой ногой, солдат едва выстоял на своей больной ноге, пока курфюрст надевал на его сапог вторую шпору. Тут же один из прислужников снял с него пояс с мечом и с молитвой понёс его вокруг алтаря, обнёс и передал меч архиепископу. И тот, также с молитвой, повязал его солдату. Потом его снова поставили на колени на подушку, а сеньор города Ланна возложил ему на плечо свой меч и произнёс:

– Отныне ты рыцарь Господа и брат наш.

Солдат встал и стоял, не шевелясь, а архиепископ целовал его двукратно, говорил, держа руки свои на плечах Волкова:

– Слышал я, что ты без комиссара инквизиции и без суда ведьму сжёг.

– Я... нет... то есть, да..., – растерялся Волков.

– Порыв души верный, но всё должно быть по закону Божьему.

– Я...я..., – заикался солдат.

– Пусть на гербе у тебя будет факел, – произнёс архиепископ тихо.

Кто-то шепнул солдату сзади:

– Целуйте руку архиепископа.

Солдат стал на колено, даже боли в ноге не почувствовал, и поцеловал руку, а архиепископ поднял его и ещё раз двукратно поцеловал и крепко обнял, после чего произнёс громко:

– Братья-рыцари, свершите акколаду. Теперь это брат наш.

Волков стоял как в тумане, а к нему стали подходить люди, крепкие, суровые, у кого лицо в шрамах, у кого фаланг на руках не хватало, они жали ему руку, называли имя своё и крепко обнимали, и целовали дважды, говорили:

– Рад, что вы теперь с нами, брат.

– Добро пожаловать, брат.

И ещё что-то, и ещё.

Солдат, вернее уже кавалер, их имён не запоминал, не мог он в таком состоянии что-то запомнить, он едва дышал от переполнявших его чувств, и глаза его были наполнены слезами. Их приходилось вытирать незаметно. И он не мог ничего отвечать этим заслуженным людям, обнимал их молча и крепко. Никогда в жизни у него не было слёз, даже когда за день, за один день, в проломе стены полегла треть его близких и друзей, его глаза не увлажнились, а тут...

Он и не помнил, как всё закончилось, как стали расходиться добрые люди архиепископа, и священники, и церковные служки, а к нему подошли его люди. Стали поздравлять его. У Брунхильды и Агнес глаза тоже были мокры. А Ёган и Сыч ужасно гордились им. А вот Роха бурчал тихо:

– Пусть теперь рассказывает кому угодно, что он не ловкач и проныра. Чёртов Фолькоф, ну ловкач... Рыцаря получил, чёртов мошенник...

Пока новоиспечённый кавалер принимал поздравления своих людей, один неприметный монах принёс ему бумагу.

Волков развернул её и прочёл:

«Сего дня, сего года Август Вильгельм, герцог фон Руперталь, граф фон Филленбург, архиепископ и курфюрст Ланна, даровал милость свою и произвёл в рыцарское достоинство доброго человека, славного деяниями своими, который зовётся Иероним Фолькоф.

Отныне доброго человека этого должно всем звать Божьим рыцарем, кавалером и господином. И пусть так будет, и о том запись есть в разрядной книге славного города Ланна и герцогства Руперталь».

У кавалера затряслись руки. Он ещё раз перечитал бумагу и, взглянув на монаха, что принёс бумагу, спросил:

– Какого ещё Иеронима? Это ты написал?

– Нет, – отвечал монах, указав на невероятно толстого монаха, что сидел в углу храма за маленьким столом и писал что-то.

Волков быстро подошёл к тому и тихо сказал:

– Перепиши немедленно, я не Иероним, я Ярослав.

– А, так вы из Эгемии, там у всех такие странные имена. Мне сказали Иеро Фолькоф, я думал, что вы Иероним, – заметил толстый монах, – а переписать нет никакой возможности, я вас и в разрядную книгу так записал.

– Яро, дурак, Яро, а не Иеро. Яро от слова Ярослав. Перепиши и в разрядной книге, – настаивал Волков.

– Сие и вовсе невозможно, исправлять в книге воспрещается.

– Вырви страницу и перепиши, – начинал злиться кавалер.

– А это уже преступление, – тряс жирным подбородком монах, – книга прошита и страницы пронумерованы.

– И что ж мне теперь делать? – спросил Волков, выходя из себя.

– Живите так, – не чувствуя опасности, небрежно предложил толстяк.

Не говоря больше ни слова, Волков влепил ему утяжелённую, звонкую оплеуху.

– Господь Вседержитель, – заныл монах, почёсывая щёку и шею, – что ж вы дерётесь в Доме Господа?

Кавалер молча спрятал бумагу в кошель и пошёл к выходу. Он пришёл в себя. Никаких слёз в его глазах боле не было.

«Иероним, значит Иероним, зато кавалер», – сказал он про себя.

– Сыч, води всех в трактир, скажи трактирщику, чтобы готовил большой обед на всех и пусть не мелочится, скажи, что дам ему талер, пусть будет свинина и вино, и пироги, и лучший сыр.

– Сделаю, господин, – обещал Сыч.

– Ёган, ты со мной, – продолжил Волков.

– А куда мы, господин? – спросил слуга, помогая кавалеру сесть на коня.

– К художнику, мне нужен герб. Я тут недалеко видел вывеску.

Не успел он тронуться, как к нему подбежала Агнес и быстро заговорила:

– Господин, разреши мне в стекло заглянуть, сон мне был злой, тебя видела в нём.

Волков поглядел на неё внимательно и с недоверием. Она уже давно не вспоминала про шар, но, видно, он её не отпускал.

– Нужно ли? Мало ли снов снится.

– То вещей был сон, как явь. В нем вы были, сидели уставший или раненый, а на вас монах смотрел.

– Монах? Наш монах? – спросил кавалер.

– Не наш, злой монах.

– Какой ещё злой?

– Не знаю какой, на взгляд простой, а туфли у него как у богача, не сандалии и не деревяшки. И говорит он тихо и кротко, но опасен, как змея.

Теперь кавалер уже не был так недоверчив:

– Злой монах, говоришь? – задумчиво переспросил он. – Ладно, возьми шар, погляди в него.

Агнес кивнула и бегом кинулась за другими людьми Волкова, что уже шли от собора в трактир.

– Ведьма, она господин, ох, ведьма, – начал Ёган, – я вот...

– Молчи, дурень, стоишь орёшь на всю улицу, – оборвал его кавалер. – Пошли к художнику.

Художник был беден и молод, Волков оглядел нищий его дом и хотел уже уйти, но художник упрямился и не уходил. Говорил, что нарисует герб на бумаге, и если господину рыцарю понравится, то и щит его разрисует.

Он был первый из посторонних, кто назвал Волкова «господином рыцарем». И «господин рыцарь» согласился. И не пожалел о том.

– Каков будет щит? – спрашивал художник и тут же начинал рисовать.

– Кавалерийский треугольник.

– Цвета: Один? Больше?

– Два. Голубой и белый, – отвечал кавалер, не задумываясь.

– Мудрый выбор, лазурь, серебро. Лазурь – небо, верность, честность. Серебро – благородство и чистота. Как рассечём?

– По горизонту, белый – сверху.

– Мех, пояса, перевязи?

– Лишнее. Коршуна, чёрного коршуна рисуйте. Одна колдунья звала меня коршуном.

– Господин, коршунов, орлов, кречетов и соколов на щитах много.

– Да? – Кавалер на миг задумался. – А вороны часто встречаются?

– Нет, не часто, никогда не видел, прекрасный выбор, ворон – символ мудрости и течения времени.

– Рисуйте ворона, а в лапах он должен сжимать горящий факел, так хотел архиепископ.

– Итак, черный ворон с горящим факелом на лазурном поле, с серебряным небом, – закончил рисунок художник.

Волков внимательно смотрел на него и был доволен:

– Сделайте ворона пострашнее.

– Сделаю ему рубиновое око.

– Ёган, дай художнику щит. Хочу забрать его завтра.

– К утру лак высохнет, будет готов, с вас два талера, господин.

Волков молча достал монеты.

– Господин рыцарь, а не желаете себе ещё штандарт с гербом, и сюрко в ваших цветах, для ваших людей? – предложил художник. – У меня есть хороший портной и белошвейка. Всё будет красиво.

– Да, мне это нужно, – согласился кавалер. – Штандарт и пару сюрко.

– Попоны для коней в ваших цветах.

– Лишнее.

– Тогда с вас ещё четыре талера. И работы займут три дня.

– И ни днём больше, – сказал Волков и снова полез в кошель.

Пировал он со своими людьми, за столом были все, кроме Агнес. Можно сказать, что кавалер был счастлив. Он заказал музыкантов.

И благосклонно принимал тосты и от Сыча, и от Пилески. Особенно его радовала ворчливая зависть пьянеющего Рохи.

– Чёртов мошенник, – после каждого тоста негромко добавлял Скарафаджо, – надо же, сам архиепископ ему шпоры повязывал.

Или:

– Чёртов ловкач, как он так умудрился, надо же! Проныра! Вот что значит дружить с офицерами.

А Брунхильда раскраснелась от вина и поглядывала на него уже не столь злобно, как совсем недавно. А Ёган и вовсе гордился так, как будто это он стал рыцарем. Орал больше всех, был уже изрядно пьян.

А кавалер не пил, так, отпивал для вида. Он был неспокоен. Рыцарские шпоры вещь, безусловно, прекрасная, но епископ свою часть сделки выполнил, и теперь очередь была за Волковым. А ему очень, очень не хотелось лезть в чумной город, откуда никто не возвращался. И шпоры после таких мыслей уже не смотрелись такими блестящими.

«Ничего, ничего, – уговаривал он сам себя, – главное в любой кампании – это правильно подготовиться к ней».

Но все самоуговоры не отгоняли тревогу. А тут к столу подошёл трактирщик, улыбался, очень был доволен выручкой от пира. Он нёс полувёдерный кувшин вина, запечатанный сургучом, на кувшине стояла печать какого-то монастыря.

– Велено передать вам, господин кавалер, – с улыбкой и поклоном произнёс трактирщик. – Монахи принесли, говорили, что вино двадцатилетнее. От их ордена, вам в честь акколады. И принятия вас в круг рыцарей Господних. Прикажете открыть?

Он стоял и держал тяжёлый кувшин, за столом все оживились, Сыч орал, что надо открыть, Рудермаер даже протянул кружку, но кавалер не торопился, спросил:

– А что за монахи были? Какого ордена?

– Мне этот орден неизвестен, – отвечал трактирщик. И повторил: – Велите открыть?

– Нет, – сухо ответил Волков.

– Как нет, давай, Фолькоф, отведаем монастырского винца! – крикнул Скарафаджо.

– Нет, – ещё твёрже отвечал кавалер.

– Господин сказал нет – значит, нет, – произнёс нетрезвый Ёган, – не надо, вот так вот...

Нас уже один раз пытались отравить вот так же... Мы уже всё знаем насчёт вина, которое дарят какие-то непонятные монахи... Мальчишка один выпил вот такого винца и фить..., – Ёган нарисовал путь бедного мальчишки пальцем в воздухе, – и на небесах.

Трактирщик, явно не ожидавший такого развития событий, опешил, стоял, разинув рот, потом молча и аккуратно поставил кувшин на край стола и произнёс:

– А на вид такие приличные монахи были.

И ушёл.

– Фолькоф, неужто ты испугался, – храбрился Роха, – хочешь – я попробую это вино первым?

– Ёган, – сказал кавалер, – отнеси вино в мои покои.

Ёган пошёл наверх и вскоре вернулся. А за ним шла Агнес, она бесцеремонно отодвинула брата Ипполита, что сидел рядом с Волковым, и втиснула свой худой зад между ними. Девочка была бледна, говорила тихо. Почти шептала:

– Монахи убить вас желают, не от злобы, а помешать вам хотят. Сами монахи не хотят, а один монах, что в дорогих туфлях, ждёт вашей смерти. Стекло сказало.

Волков никаких вопросов ей больше не задал, только кивнул в ответ, погладил её по волосам и спросил:

– Есть будешь?

– Нет, спать пойду. Устала. И глаза болят.

– Ступай, спасибо тебе.

– Вам спасибо, господин, – отвечала Агнес, вставая.

Она ушла, а кавалер обозвал себя за то, что не смог, не додумался пригласить на пир тех рыцарей, что были на его посвящении, и, встав, закончил праздник:

– Хватит, у всех на завтра дела есть, идите спать. Трактирщик, еду, что недоели, собери, доедим завтра.

И все засобирались. А Роха стал прятать за пазуху сыр и колбасу, кавалеру было не жалко.

Он вдруг понял, что все эти люди, зовущие его господином, ему не ровня, даже Роха, с этой колбасой за пазухой, больше не ровня. Он ещё раз обругал себя за то, что ума не хватило, или не смог, пригласить рыцарей с церемонии.

Все расходились, а он вышел на улицу и увидел, как в сумерках юный пекарь за углом трактира обнимает Брунхильду, что-то шепчет ей.

Ни секунды не размышляя, он подошёл к ним и, схватив девушку за руку, потянул за собой, а опешившему пекарю он сказал:

– Сегодня моя очередь.

Пекарь возразить не смел, только вздохнул в ответ и пошёл восвояси. А вот Брунхильда возражала от души, ругалась, но кавалер её не слушал, тащил за руку в покои, как пришли, выгнал оттуда монаха, Сыча и Ёгана, те пошли спать в покои к Агнес.

– Что ты бесишься, дура? – ласково говорил он Брунхильде, когда они остались наедине.

– А то, что не жена я вам, ясно? – злилась девица. – И нечего меня как овцу использовать.

– А пекарю, значит, можно?

– А может, он мне люб.

– А я, значит, нет?

– А вы, значит, нет. Иной раз противны, аж выворачивает, – бесилась девица.

– По-твоему, пекарь лучше рыцаря?

– А может и лучше, раз пекарь любит.

– А я тоже, может, люблю, – он чуть не силой усадил её на кровать, держал её руки в своих.

– Ой, что ж вы врётё, – девушка попыталась вырваться, – врут и не краснеют даже.

– Ну что ты, бешеная, – он не выпустил, поцеловал её в шею, – ты хоть раз проводила ночь с рыцарем? Пекарей-то у тебя будет хоть сотня. Только подмигни.

– Ой, прям важность какая, – отвечала Брунхильда, но уже не так рьяно, – я рыцарей поманю, и тоже сотня будет.

– Да, – согласился кавалер и потянул подол платья вверх по стройной ноге. – Тут я с тобой не спорю, ты прекрасна. Самая красивая.

– Ой, прям так и прекрасна без зуба, – недоверчиво говорила девушка, но руку кавалера уже не убирала со своей ноги, – я, когда говорю, так иной раз и шепелявлю.

– Это тебя не портит, – а он и рад был, уже дотянулся до самого верха бедра, – ты и без зуба красивее всех, что я видал в этом городе.

– Врётё, – уже тихо-тихо сказала Брунхильда, дыша вином ему в лицо.

– Не вру, – отвечал Волков, задирая ей юбки и целуя в губы. – Слово рыцаря.

А она как ждала этого, впилась в его губы своими, обвивая его шею руками. И позволяя его рукам касаться там, где ему вздумается.

Как только в зале появился канцлер, так сразу кавалер пошёл к нему, хотя монахи и шипели на него и пытались остановить, но он не обращал на них внимания; подойдя к столу приора, он остановился и, не кланяясь и не здороваясь, водрузил на стол запечатанный кувшин вина с монастырской печатью:

– Говорят, то вино драгоценное неизвестные монахи даровали, даже поблагодарить их не смог – ушли. Мне, простому рыцарю, такое вино не по чину, решил вам его принести. Спасибо вам, монсеньор, за то, что помогли получить рыцарское достоинство.

– Благодарю Господа, сын мой. Всё его милостью, его милостью, – холодно отвечал брат Родерик, разглядывая кувшин.

– И то верно, – согласится кавалер, – вот только беспокойно у меня на душе, сны меня страшные донимают.

Приор молча продолжал слушать.

– Снится мне, – продолжал кавалер заметно тише и приблизившись к монаху, – что какой-то монах со свету меня сжить хочет. А за что – не говорит. К чему бы это, святой отец?

– Демоны тебя одолевают, – всё так же холодно продолжал приор, – пост, молитва и причастие избавят тебя от них, сын мой.

– Вот и я так думаю. Да только многогрешен я, вот если ещё и такой святой человек, как вы, за меня помолились бы, так точно я бы от наваждения избавился. Помолитесь, святой отец?

– Помолюсь, сын мой, помолюсь, – кивнул канцлер. – Ступай.

– Вот и хорошо, – и не собиравшись уходить кавалер, – я ещё о своих наваждениях написал епископу Вильбурга, чтобы он тоже помолился. Когда два таких праведника, как вы и епископ, за меня молиться будут, то уж наверняка наваждение пройдёт.

Приор побледнел, он неотрывно глядел на новоиспечённого рыцаря, открыл было даже рот, да ничего не сказал, не нашёлся.

А рыцарь ещё раз спросил:

– Так помолитесь за меня, святой отец?

– Ступай, сын мой, ступай, – только и смог сказать канцлер Его Высокопреосвященства и затеребил чётки.

Когда солдат повернулся к нему спиной и захромал на выход, приор прошипел своему ближайшему помощнику:

– Найди протонотария, скажи, чтобы о просьбе моей боле не волновался. Скажи, что сложилось всё, как Богу угодно. А ещё скажи просителям, что приёма сегодня не будет, молиться я пойду.

Он встал из-за стола.

Его помощник уже направился выпроваживать посетителей, как приор остановил его, подозвал и прошептал со злостью:

– Вино это вылей. Немедленно.

А кавалер Волков возвращался в трактир, а на луке седла его висел щит, на котором изображено было небо серебром над лазурным полем, а поверх всего ворон распластал крыла, а лапами держал факел с живым пламенем на запад, а у ворона глаз был, что рубин, и был он злой. Щит пахнул свежим лаком и был прекрасен. А кавалер был горд.

Это и улицей нельзя было назвать. Длинная тропинка меж двух высоких заборов, на которую из-за заборов выкидывали и золу от печек, и мусор, и падаль. На этой тропе и два всадника разъехались бы едва. Рудермаер и Пилески шли впереди. За ними ехали кавалер и Ёган, замыкал шествие Роха на своей деревяшке. Наконец они приехали. Рудермаер почти торжественно обвёл рукой место, за которое Волков должен был выложить шестьдесят шесть монет.

– Вот, – важно произнёс Рудермаер, – вот это место.

Это была помойка у стены, и не было там никаких тридцати пяти шагов на пятнадцать. Глазомер у опытного стрелка всё сразу прикинул. Тридцать на двенадцать с неглубокой канавой по периметру. Коровьи и лошадиные кости, падаль вонючая, старое гнилое тряпье, битый кирпич и битые горшки. И всё это слоями у городской стены. А посреди всего этого –гнилой, покосившийся сарай.

– И всё это стоит шестьдесят шесть талеров? – невесело спросил кавалер.

– Да, – радостно кивал Пилески. – Место хорошее, и недорогое. Почти даром.

Волков посмотрел на него пристально, подозревая, что он шутит, но Пилески не шутил.

– Место доброе, – видя недоверие кавалера, заговорил Рудермаер, – мы его вычистим, меж заборами ворота поставим, тут будет уютно, и лишних не будет, за стеной ручей недалеко, выроем колодец, будет своя вода. Кузню поставим у стены, а на неё думаю домик поставить, мы там с Виченцо жить будем. Нам боле негде. А если с крыши домика лестницу вверх положить, то на городскую стену вход будет.

– Сюда и подвода не пройдёт, – резонно заметил Ёган.

– Не пройдёт, – согласился мастер, – а нам и не нужно будет, нам на месяц сорок корзин угля да два пуда железа будет нужно, сами притащим.

Кавалер молчал, продолжая осматриваться, место было тихое, это ему нравилось, и мысли мастера о воротах и лестнице на стену тоже. Но он всё-таки сомневался:

– Тут вон сколько убирать нужно, – наконец произнёс Волков, – как тут всё это убрать? Куда нести?

– Господин, – Пилески засмеялся, – это как раз плёвое дело. За три дня управимся.

– Да, – поддержал его Рудермаер, – за три дня всё будет чисто. В городе сейчас много народа, что за хлеб работать будут. За талер всё вычистим, а ещё за три колодец выроем. Вот в том углу.

– Значит, сто семьдесят два талера всё будет стоить? – задумчиво спрашивал кавалер.

– Вроде так, чаны для выпарки селитры медные, два надобно, да чан для смешивания, да для жарки угля, да две наковальни, длинная и рабочая, да стол железный, да веретено для точки ствола, оно очень дорогое, да...

– Я понял, – прервал его Волков.

– А брус с доской, – добавил Пилески. – А работы, вот так и набегает такая прорва денег, да у нас список есть, там всё прописано.

– Ну что, кавалер, решайся уже, – первый раз заговорил Скарафаджо, – ты ж всегда знал, где жирно, всегда знал, где монет раздобыть, я побиться об заклад готов, что ты и здесь не прогадаешь. Тебя ангел в лоб поцеловал.

– Об заклад готов биться? – переспросил кавалер, Роха его заметно раздражал, – а поставишь что: бороду грязную или деревяшку свою?

Роха хотел было что-то сказать, да кавалер продолжил:

– И деньга у меня водится не потому, что меня ангел целовал, а потому, что я копил её всегда, и я не хочу выбросить всё то, что накопил, на ветер. И серебро это давалось мне кровью и увечьями, а не торговлей, как купчине.

– Да знаю я, Фолькоф, знаю, – говорил Роха, как оправдывался. – Просто я верю, что у нас всё получится. Понимаешь? Нам судьба тебя послала.

Кавалер молчал, продолжая оглядываться вокруг, и наконец произнёс:

– Ладно, поехали в магистрат, купим эту помойку, а вечером чтоб список всего, что нужно, с ценами, у меня был.

– Так я сейчас его вам дам, – сказал аптекарь и достал бумагу из-за пазухи, – вот он.

– Всё, что покупать будете, и где будете платить, – продолжил Волков, – будете делать при моём человеке.

– Мы согласны, – сообщил Роха.

– А если где обмануть меня попробуете, – Волков склонился с коня и показал всем троим кулак, – всех убью.

– Мы согласны, – сказал храбрый мастер Рудермаер.

А вот Роха и аптекарь промолчали, видимо, на это они были не готовы.

Бумагу на собственность земли, что у западной стены, ему выдали быстро, но, как и всегда бывает, не всё пошло гладко. Там, в холодном магистрате, второй писарь земельной канцелярии, что одет был в добротную куртку с мехом и шапочку, всем своим рыбьим лицом выражая скуку, поинтересовался:

– А с какой целью приобрели сей надел, для проживания или ремесло какое затеяли?

– Жить там буду, – соврал кавалер.

– Тогда с вас ещё шесть талеров сбор за мусор разовый, да ещё годовой полталера, да городской налог семьдесят крейцеров, а коли конюшни ставить будете, так ещё сорок крейцеров за год.

– Не буду я там жить, пекарню поставлю, – зло сказал Волков.

– Так вы пекари? – бесстрастно уточнил второй писарь земельной канцелярии.

– А разве по нам не видно? – спросил его Роха.

– Отчего же, очень даже видно, что вы пекари, – согласился писарь, – и тогда с вас восемь талеров за мусор единый сбор, да два талера и восемнадцать крейцеров годовой сбор, да узнайте, сколько гильдия пекарей с вас попросит денег, чтобы дать дозволения вам тут хлеб печь. А как не дадут вам права, так зря только пекарню тут поставите.

– Хорошо, мы пока узнаем, сколько стоит будет взнос в гильдию, а потом уж и решим, – сказал Волков.

– Ну, – зло говорил он, когда они вышли на улицу, – посчитали вы поборы городские? А в гильдию оружейников взнос посчитали?

Роха, аптекарь и Рудермаер молчали озадаченные.

– Сколько стоит взнос в гильдию оружейников? Талеров сто или двести?

– Нисколько, – зло сказал Роха, – тут никто ни пороха рассыпчатого не делает, ни мушкетов.

– Хорошо коли так, – произнёс Волков, – аптекарь, ты мне нашёл сарацинскую воду?
– Ещё не искал, – признался Пилески.
– Так ищи, и уксус самый крепкий не забудь. А ты, Рудермаер, кирасу починил мне?
– Мой друг мне в кузне даёт работать только ночью, днём сам работает.
– Ну, тогда начинай землю купленную очищать, а ночью кирасу почини. Денег талер на то, ты говорил, нужно, держи.

Он кинул монету мастеру.

– Роха. Ты говорил, что добрых людей уже нашёл для меня.
– Да, шестнадцать человек с корпоралом, будут ждать нас у западных ворот после обеда.
– Так время уже обед.
– Так давай перекусим и пойдем, глянем, возьмёшь ты таких людей себе, – отвечал Роха.

Солдат солдата видит всегда, и это были настоящие солдаты.

И корпорал у них был старый солдат, и кампаний у него было не меньше, чем у Волкова. Они сразу понравились друг другу. Оба поняли, с кем имеют дело, сразу прониклись уважением друг к другу. Корпорала звали Литбарски. Он построил своих людей, а тех было шестнадцать. Четверо в полном доспехе, крепкий доспех, опытные мужи, люди первого ряда. Ещё было четверо таких же добрых людей, только доспех у них был на три четверти. Доспех крепкий и не раз у кузнеца бывавший.

– А не был ли кто из вас в Чёрной банде? – спросил кавалер, разглядывая латы второй четвёрки.

– Упаси Бог, – отвечал корпорал, – среди нас таких нет, а вот Государю послужили, со мной четверо тех, кто ходил под имперскими знамёнами.

Волков удовлетворённо кивнул.

Ещё двое людей Литбарски были в кирасах да шлемах. А оружие было у них у всех: шесть пик и две алебарды, фальшионы да кинжалы. Остальные были арбалетчики, в хорошем доспехе и с добрым оружием, и два не местных человека с аркебузами. Тоже неплохие. При них была большая телега с двумя меринами, возница и кошевой.

Это были отличные солдаты. Они очень понравились кавалеру, единственное, чего он опасался, так это что денег у него на таких воинов не хватит.

– Довольны ли вы, рыцарь, людьми этими? – спросил старый корпорал.

– Отличные люди, – сказал Волков, – да вот возьметесь ли вы за дело, если за две недели я заплачу по полтора талера каждому? И вам, господин корпорал, три офицерские порции?

Литбарски задумался. Прикидывал что-то. А за него спросил один из лучших солдат:

– Кавалер, а с кем драться думаете?

– И под чьим знаменем? Мы не под всякий штандарт пойдём, – добавил стоявший рядом с ним.

– Пойдём под моим штандартом, а драться ни с кем не будем, – отвечал Волков. – Заберём кое-что и привезём заказчику. Вы будете охранять в дороге.

– Вот как! Литбарски, соглашайся, – дал добро лучший солдат. – Деньга малая, да всяк лучше, чем без дела дома штаны протирать.

Остальные согласно загалдели.

– Ну, раз корпорация не против, то и я согласен, – сказал Литбарски, – а кто заказчик и какую ценность нам везти?

– Велением епископа Вильбурга нам надобно забрать в одном храме одну ценную вещь и привезти эту вещь ему.

– Так что за вещь? – спросили его солдаты.

– А что для попов самое ценное – мощи. Нам надо забрать мощи.

– Мощи дело богоугодное, мы согласны, скажите, когда выступаем, кавалер.

– Пару дней придётся подождать, мне нужно кое-что взять с собой, – отвечал Волков.

– А нужно ли ждать нам? – спросил корпорал. – Если не нужно, мы можем завтра же поутру выступить, а через пару дней вы нас догоните. Куда идём?

Видно, нужда их донимала, что готовы были идти хоть сейчас.

– Правильная мысль, – согласился кавалер, – может, вы и правы, пойдём мы в Фёренбург.

Переговаривавшиеся солдаты сразу замолчали. Повисла тишина, все смотрели на кавалера, ожидая пояснений, а так как тот не пояснял, корпорал Литбарски уточнил:

– Фёренбург тот, что на Эрзе?

– Да, – коротко ответил Волков.

– Угу, так значит? Нам с ребятами нужно переговорить, – сказал корпорал, чуть помедлив.

Он отошёл к своим людям, все они сбились в кучу и стали обсуждать предложение кавалера, но так, чтобы он не слышал. Совещались они недолго, совсем недолго. Литбарски подошёл к нему и сказал:

– Господин кавалер, корпорация решила, что дело ваше нам не подходит.

– Так вы только что говорили, что дело это богоугодное, – произнёс Волков, вкладывая в слова насмешку, – как быстро у вас всё меняется.

– Так и не знали мы, что нужно лезть в город, где двое из трёх померли от чумы.

– Два талера каждому, – и Волков умышленно перешёл на «ты», – и тебе четыре офицерских порции. Четыре порции, так платят сержантам.

– Дело не в деньгах, кавалер, ребята семейные, никто не хочет задохнуться от бубонов на шее. Или того хлеще, в семью их привезти, мы чуму помним, года не прошло, как она у нас тут семьи выкашивала.

– Эй, Литбарски, какого дьявола, вы же уже согласились, – встрял в разговор Роха. Он был обескуражен.

– Не соглашались мы, мы не знали, куда идём, – сказал лучший из солдат Литбарски.

– Да как не соглашались, вы уже чуть ли не сейчас собирались выступать, – наседал Скарафаджо. – Что за перемены?!

– Оставь их, Роха, – произнёс кавалер громко, – хорошо, что они сейчас переменились, а не дай Бог дошло бы до дела какого, и там они бы сказали, что передумали. Извините, мол, мы не знали, что тут у вас злобные мужики будут железяками размахивать. Мы уходим.

Слова были едки и обидны. Роха, и даже Ёган засмеялись.

– Одно дело мужики с железяками, а другое дело чума, – сказал лучший солдат. – С чумой не повоюешь. Было бы дело, мы бы себя показали.

– Убирайтесь, мошенники, – сказал Скарафаджо. – Знаю я таких, как вы, вы обозные воины.

– Это какие такие обозные воины? – поинтересовался Ёган.

– Есть такие, как мы врага ломаем, так они первые во вражеский обоз бегут грабить, а как нас враг гнёт, так они бегут в наш обоз прятаться.

– Ты не сильно задирайся, – сказал лучший воин Рохе, – будь ты на двух ногах, я бы тебе объяснил, кто тут обозный воин.

– Так я на двух ногах, – сказал Волков и сделал шаг вперёд. – Мне объясни.

– Ну что ж, объясню, – сказал воин.

– Да вы что, – заорал корпорал, вставая между ними, – рехнулись, что ли?! Взрослые мужи, а ведёте себя как сопляки. Угомонись, Франц, и вы, господин кавалер, остыньте. Еретики мало нас убивают, давайте ещё сами будем резаться. Всё, идём в город. В город.

Ни Франц, ни рыцарь продолжать склоку не желали. Солдаты стали собираться и пошли, а Роха, задира, свистнул им вслед. И крикнул:

– Чёртовы трусы!

Волков стоял мрачный и глядел вслед уходившим. Скарафаджо хотел ободрить его и произнёс:

– Ничего, я знаю ещё пару толковых ребят. Не так хороши, как эти, но для прогулки, что ты затеял, подойдут.

– Не подойдут, не полезет никто в чумную яму из нормальных людей, – невесело сказал кавалер.

– Предложи больше денег.

– Даже если в два раза больше дам, никто не пойдёт, я бы и сам не пошёл.

– А я пойду, – вдруг сказал Скарафаджо, – дашь три талера и пойду.

– Что, совсем оголодал?

– Совсем, – признался Роха, – хозяин грозитя вышвырнуть моих спиногрызов и мою чокнутую бабу из дома. Больше полутора талеров должен, бакалейщику должен, мяснику, пекарь отказался давать хлеб в долг. Долгов на три талера. Пойду с тобой хоть в чумную яму, если дашь денег.

А кавалер, казалось, и не слушал его, и на него не смотрел, он смотрел на приближавшихся к ним двух забавных людей. Это были мальчишки, лет пятнадцати, вряд ли больше. На одном из них была старая, кривая кираса, на втором выдавшая виды латаная стёганка, гамбезон, перетянутый на поясе верёвкой, Волков уже лет пятнадцать таких не видел, да и велик он был малышу настолько, что в него ещё одного такого же без труда можно было засунуть.

Шлемов у них не было, а вот подшлемники были у обоих, тот, что был в кирасе, имел вполне себе добрую алебарду на крепком древке, второй был вооружён обычным мужицким топором. Волков, Роха и Ёган с интересом наблюдали, как юноши подошли, низко поклонились, и тот, что был с алебардой, произнёс, обращаясь к кавалеру:

– Простите меня, добрый господин, а не вы ли тот честный рыцарь, что ищет добрых людей себе в помощь?

Роха засмеялся, с ним засмеялся и Ёган. Волков только ухмыльнулся и важно спросил:

– Люди мне нужны, да только нужны мне честные люди. Не сражались ли вы в Чёрной банде, не сражались ли вы за еретиков, или за схизматов, или за чёртовых эгемцев, что выкидывают праведных людей, друзей императора, из окон чёртовой ратуши своей, в своей чёртовой столице, воевали ли вы против императора нашего?

– Нет, нет, нет, – качали головами мальчишки, – мы ещё нигде не сражались.

– Ишь ты! – язвил Ёган. – А так и не подумаешь! Я, как вас увидел, так подумал, что вон какие-то славные воины к нам идут. Малость даже забоялся.

Юные воины поняли, что над ними смеются. Стояли невесёлые.

– Откуда прознали, что кавалер людей ищет? – спросил Роха.

– Вчера пришли, в банду Литбарски записаться хотели. Да они погнали нас, – заговорил тот, что в кирасе. – А мы услышали, что сегодня тут кавалер им будет смотр устраивать, вот думали...

– Что подумали, – холодно спросил Волков, – подумали, что кавалер любит детей хоронить? Так скажу вам, что кавалер детей хоронить не любит. Уходите, не хочу, чтобы ваши матери меня проклинали.

– Господин, у нас нет матерей, – в первый раз заговорил тот, что был в гамбезоне, – у нас все померли в чуму. И у меня все, и у него.

– И идти нам некуда, – поддержал его тот, что был в кирасе, – возьмите нас, господин, мы крепкие, я работаю учеником у скорняка, а Хельмут развозчик, у меня руки сильные, весь день с кожей, а Хельмут целый день тягает тачку. Он выносливый, как осёл.

– Мы пойдём к вам в банду за талер в месяц на двоих, – предложил тот, что был в гамбезоне.

– Слушай, Фолькоф, а может, и вправду взять их, – предложил Скарафаджо. – Талер им, три мне и вот у тебя три человека за четыре монеты. Да ещё твои холопы и ты, вот уже семь человек, какая-никакая, а банда.

– Да? – кавалер посмотрел на него без всякой симпатии. – А случись что, кто драться будет? Ты на своей деревяшке? Или этот балабол, – он кивнул в сторону Ёгана, – или монах?

Роха только вздохнул в ответ.

– Нет. Мне нужны люди, да только не такие, как Литбарски. На таких у меня не хватит денег. Есть кто попроще у тебя на примете? – продолжал Волков.

– Есть один такой, дурак и жадина.

– Не трус?

– Нет, не думаю, уж больно жадный, чтобы быть трусом. Да вот людишки у него сброд и шваль. Я бы на них сильно не рассчитывал.

– Вот такие мне и нужны. А вы идите, господа солдаты, – сказал кавалер мальчишкам, – толку от вас всё равно пока не будет.

– Завтра приведу, – обещал Роха, и тут его словно осенило. Он загорелся: – Слушай, Фолькоф, а заберу-ка я у Рудермаера мушкет.

Юные воины стояли чуть не плача, всё ещё надеясь на перемену в своей судьбе.

– Забирай, он нам может пригодиться.

– И научу стрелять вот этих вот, – сказал Роха, кивая на юношей. – Ты верно говоришь, что толку от них нет, это так, но только пока они в тебя из мушкета не попадут.

Волков хотел было его оборвать, но мысль Рохи оказалась интересной.

– Убьют их, – ещё сомневался он.

– Ну, тебя же не убили, – говорил Роха, – ты тоже в их возрасте в солдаты пошёл.

– Я младше был, – сказал кавалер. – И деться мне было некуда, мне деньги были нужны.

– Зато теперь ты кавалер и богач, – настаивал Скарафаджо, – слышали, ребята, а начинал наш кавалер так же, как и вы.

– Господин, возьмите нас, – заговорил тот, что в кирасе, – нам тоже деться некуда, я кожу мну на хозяина, неба не вижу. А Хельмут спит под своей телегой, даже в холод.

– Научишь их стрелять? – спросил Волков, всё ещё раздумывая. – А порох есть у аптекаря?

– Полведра зелья сам видал, и пуль штук сто, – радостно сообщил Скарафаджо. – Научу, тут наука не хитрая.

Волков махнул рукой, дал согласие. Полез на коня, Ёган помогал ему. Уселся. Поглядел, как обрадовались мальчишки, да и Роха тоже был рад, усмехнулся невесело и сказал:

– Ты про жадного дурака-то не забудь, пусть он свою банду сюда завтра на рассвете приведёт.

– Не волнуйся, господин рыцарь, всё сделаю, – обещал Скарафаджо.

Глава 7

В трактире Волков уселся за стол, стал писать письмо епископу. Заказал у трактирщика перо и бумагу, хотел ещё пива попросить, да подумал с чего-то, что теперь ему пиво пить не пристало, пиво – пойло мужиков да бургеров, заказал вина. Когда ему его принесли, понял, что лучше бы заказал пива. Не то чтобы он был большой знаток вин, но многие лета, что он провёл на юге, давали ему право говорить трактирщику:

– Повесить бы тебя надо, мошенник, за такое вино.

– Другого нет, господин, только это, да ещё дьярский токий есть, – сконфуженно улыбался тот.

– Неси токий, а эти помои отнеси.

В письме он первым делом поблагодарил епископа за рыцарское достоинство, а потом рассказал, что добрые люди, узнав о задании, отказались с ним идти. И спрашивал епископа, если он, Волков, увеличит награду из своих средств, компенсирует ли ему затраты епископ?

Когда он уже почти закончил письмо, к нему подседа Агнес, сначала сидела молча, косила глазом, ёрзала от нетерпения, а потом придвинулась поближе и зашептала почти в ухо:

– А к Брунхильде сегодня Сыч приходил, уговаривал. А она ему не дала, сказал, что за десять крейцеров боле никому давать не будет. А Сыч позлился да ушёл. А потом мы с монахом сидели грамоту учили, а она у бабы просила корыто воды, та принесла, а она села на кровати ноги мыть. Сидела мыла да подол задирала так, что ляжки было видать, а монах на ляжки косился, а она видела то, а ляжки не прятала, ещё и песни стала петь. Шалава она. Монах от того молиться ушёл. А она смеялась ему. А Ёган ночью ходил на кухню, жрал там и бабу кухарку тискал, а она замужняя. Просто муж у неё беспутный. А ещё Брунхильда с пекарем сговорила ночью встретится, а меня подбивала у вас денег просить.

– На что ещё ей деньги понадобились?

– На рубахи батистовые, мы в купальне были, там у всех рубахи из батиста, мы уже нашли, где они продаются, стоят одиннадцать крейцеров, нам такие надобны.

– Сдурели, что ли? – сурово спросил кавалер. – Вы, может, где и золотое шитьё увидите. Так что, мне его вам покупать?

– Не купите, значит? – уточнила девочка.

– Нет, – закончил разговор кавалер.

– Ладно, – многообещающе сказала девочка и пошла в покои.

А Волков стал заканчивать письмо к епископу. Не успел он его закончить, как увидел на лестнице Брунхильду и Агнес. Они бодро направлялись к нему. Брунхильда остановилась в двух шагах от него, руки в боки. Она чуть поправилась за последнее время, грудь потяжелела, из платья наружу лезла. Волосы светлые выются локонами.

Красавица, да и только. Заговорила зло:

– И что, не дадите денег на батистовые рубашки?

– Зачем они вам? – спросил Волков.

– А затем, – она даже не нашлась сначала, что ответить, – затем... а вдруг жених ко мне придёт.

– Так он точно придёт не рубаху твою разглядывать.

– А почём вы знаете, может, и рубаху, – не сдавалась Хильда.

– Ну, такого ты в шею гони, от такого толку не будет, – заверил кавалер.

– Да? – девушку аж выворачивало от раздражения.

– Да, – кавалер был абсолютно спокоен и улыбался даже.

– А вот мы в купальню пойдём, так там все в батисте, а мы в полотне, как дуры деревенские, – говорила красавица.

– Так вы и есть дуры деревенские, – заявил Волков.

– Да? Так вот? – Брунхильда была готова ему врезать, ноздри, как у кобылы на бегу, раздувались, щёки красные, в глазах злость.

– Так ты ж неграмотная, – сказал кавалер, – что ж ты умной себя мнишь?

– Ах, вот как вы запели, – зашипела девушка и, приблизившись к нему почти вплотную, продолжила с жаром, – как лапать меня под подолом, так и безграмотная хороша, а как батист купить, так дура деревенская. Раз так – то знайте, боле перед вами подол задирать не буду, а то от ваших пальцев у меня весь зад в синяках, перед людьми стыдно.

– Перед какими ещё людьми? – спросил Волков.

– Да перед хорошими, которым на меня не жаль пару крейцеров. Вот какими.

Разгорячённая, злая, очень красивая стояла она рядом с ним, дышала ему в ухо, и он не мог отказать ей. Полез в кошель. Достал мелочь, стал считать, но она накрыла его ладонь своей, забрала все деньги, повернулась гордо и пошла прочь, уже не очень злая, а даже и улыбаясь. Мало нужно ей. И Агнес, маленькая дрянь, тоже гордо глянула на кавалера и тоже пошла за Хильдой, победно задрав вверх подбородок.

Волков посидел, поглядел им вслед и крикнул:

– Ёган, где ты?

– Тут я, – откликнулся слуга.

– Письмо нужно на почту отнести, видел, где почта?

– Не видал, так попрошаю, авось найду.

На этот раз врач придумал новое лечение. Теперь архиепископ полулежал в удобном кресле на подушках, а ноги его были погружены в неприятного вида воду, что была налита в серебряный таз. Брат Родерик глядел на это с сомнением, не был уверен, что такие ванны улучшают самочувствие сеньора. Вид архиепископа говорил об усталости и унынии, что, несомненно, было грехом. Приор дождался, когда архиепископ обратит на него внимание, и не без гордости сообщил тому:

– Вами было велено выяснить, что затеял епископ Вильбурга, я выяснил. Угодно ли вам сейчас выслушать меня?

– Его Высокопреосвященству не до того сейчас, – попытался было отложить дела доктор. Но архиепископ жестом прервал его и приказал:

– Говори.

– Как мы и предполагали, добродетельный брат наш решил совершить воровство и ограбить собор Святого Великомученика Леопольда, что в Фёренбурге. Хочет забрать оттуда мощи святого Леопольда. На то и нанял головуреза по имени Фолькоф, которому мы даровали рыцарское достоинство. Этот головурез сейчас ищет себе добрых людей, чтобы идти за мощами. Да пока не может найти, нет смельчаков среди наших, чтобы лезть в пасть к сатане добровольно.

– Значит, решил ограбить Фёренбург, – не открывая глаз до конца, вслух размышлял архиепископ, боль изводила его, – братец с епископом Фёренбурга давно в раздоре был. Вечная склока.

Приор и подумал спросить у сеньора, а с кем не было склок и раздоров у братца его епископа Вильбурга и Фринланда, да не стал. Ни к чему было, спросил другое:

– А что будем делать с головурезом?

А сеньор как не слышал и продолжал:

– Давняя у них была неприязнь, давняя, уже и не помню, с чего началась.

– Пора бы закончиться ей, монсеньор, – сказал приор, – епископ Фёренбурга почил ещё в феврале от чумы.

– Я знаю, из ума ещё не выжил, – отвечал архиепископ, – помню, что кафедра Фёренбурга свободна. Другого я не назначил, а чем тебе этот головурез так не мил, а?

Приор молчал, не зная, что и ответить. А его сеньор продолжил:

– Наверно, братца моего недолюбливаешь, ведь головорез тебе ничего дурного не сделал. Ты ведь всё за чистоту Матери нашей Церкви ратуешь, всё укоров Имени её боишься, – он помолчал. – А братец мой, он много, много чего натворил, много от него проказ было Святому Престолу, да всё меньше, чем от индульгенций, как считаешь?

Теперь отмолчаться приору было невозможно, и он произнёс:

– Индульгенции были главным укором. Но и безгрешность отцов в умах паствы поколебалась. От алчности их бесконечной.

– Вот, значит, как ты думаешь, – произнёс архиепископ, – хорошо, и что ж ты предлагаешь сделать?

– Предлагаю не дать головорезу собрать людей, посадить его под замок на пару месяцев. Пусть посидит.

– А я предлагаю не мешать ему, пусть идёт в Фёренбург; сгинет там, ну так Бог ему судья, а нет, так пусть привезёт мощи, только пусть привезёт их нам, а мы уже подумаем, отдавать ли их братцу. А Фёренбург и без мощей хорош. Церковь там добрая.

– Достойно ли сие, монсеньор? – спрашивал приор, глядя на своего сеньора с неприязнью.

Хорошо, что тот не глядел на него.

– А что ж тут недостойного, мы ж не грабим, город наполовину вымер, а в нём давно еретики селились, теперь храм никто не защитит, а мощи для еретика – что тряпка для пса неразумного, только озлобляет их, как и фрески в храмах, как и иконы. Неужто неведомо тебе это?

– Ведомо, монсеньор, – тут приор спорить не мог, – и что ж мне делать?

– Грамоту писать головорезу твоему, что не сам он пришёл церкви грабить, а я его послал ценности спасать. Велением моим он туда пойдёт. Понял?

– Понял, – отвечал приор, в это мгновение он ненавидел архиепископа, ненавидел, ведь тот в любой ситуации всегда мог найти выгоду. И грамоту такую брат Родерик писать, конечно, не собирался, не собирался он и помогать головорезу:

– Неужто мы доверим этому пришлому человеку наши ценности?

– Нет, не доверим, и для того ты с ним человека нашего пошлешь. Есть у тебя кто на примете?

– Есть, отец Велинор, он сейчас без прихода, честен и чист, ему можно доверять.

– Я знаю отца Велинора, добрый пастырь. И такого доброго пастыря ты собираешься в яму чумную кинуть? Не жалко тебе его?

– Жалко? – приор опять не понимал архиепископа. – Вы же...сказали...

– Чума там, а ты хорошего пастыря готов туда послать, не жалко, говорю?

– Я не знаю даже...

– Вижу, не жалко, а мне даже головореза жалко, хотя кто он мне? – архиепископ поудобнее улёгся на подушках. – На той неделе ты хотел расстричь кого-то. Кто таков?

– Отец Семион, подлый человек, и грех его мерзок. Миряне били его, кто кулаком, а кто и дубьём, насилие ушёл. Неделю на воде и хлебе в келье молится.

– Что ж совершил? Отчего паства пастора бить дубьём стала? – спросил архиепископ с интересом.

– Во время исповеди пьян был и мирянке персты ввёл в лоно, а сам целовал её в шею, на том был пойман мужем и братьями его, так как мирянка стонала.

– Мерзость какая, это он в храме учинил?

– В храме, монсеньор, а мирянка при том беременна была, и то с ним не первый случай, за год до того ещё одну мирянку, незамужнюю, к блуду склонил, хорошо, что мирянка молода ещё была, пришлось отцу её из казны прихода денег давать.

– Вот пусть он и едет в чумную яму. Сгинет – туда ему и дорога, а не сгинет, скажи, что оставим, отлучать не будем и без клейма обойдётся. А ты пиши головорезу, чтобы не гнал его, чтобы принял. Пусть идут судьбу свою пытаются.

– Монсеньор..., – начал приор, он был не согласен с решением архиепископа.

– Хватит, – оборвал его тот, – докучаешь, ступай.

Канцлер Его Высокопреосвященства молча поклонился и пошёл прочь. И молился по дороге, чтобы отогнать от себя беса злобы.

На заре все уже покинули комнату. Кавалер один остался, нежился в перинах, ожидая Ёгана с водой и чистой одеждой. Он слушал, как за стеной пела Хильда, наверное, волосы чесала, и ей тихонько подпевала Агнес.

Как на кухне повар ругает поварёнка, как стучит коваль в конюшне малым молотком, перековывает коня. Как перекликаются бабы на улице, собираясь идти в церковь на утреннюю службу. А он ждал вкусного завтрака и мог бы почувствовать себя счастливым, но у него не шло из головы дело. Он всё чаще и чаще думал о нём. Он думал о чумном городе. Город не давал ему покоя. Он засыпал с мыслями о нём и просыпался с ними же.

Ёган принёс воды и одежду, прежде чем он ушёл, кавалер сказал:

– Позови Агнес.

Сам стал мыться. Девочка пришла тут же, поклонилась, села на кровать, сидела, молчала, ждала, пока кавалер заговорит. А тот расплёскивал воду, умывался и тоже не спешил говорить. Девочка старалась смотреть мимо него, чтобы не видеть запретного. Наконец стал вытираться, взял одежду и, только надев штаны, произнёс:

– Я скоро уеду.

– Я знаю. Все знают, – всё ещё смотря в стену, сказала Агнес.

– Все знают? – удивился Волков. – И что говорят?

– Говорят, что в чуму поедете.

Он вздохнул, после того как солдаты Литбарски отказались, вряд ли это был для кого-то секрет. И продолжил:

– Вы с Брунхильдой останьтесь здесь.

– Я знаю.

– Поживёте тут, пока не вернусь. Денег вам оставлю, но не много, тебе оставлю, ты не трать и Хильде не давай.

– Я работу поищу, мне много денег не оставляйте.

– Пока не ищи, вернусь, сам тебе найду.

– А вы не вернётесь, – сказала девочка спокойно и даже не глядя на него, она теребила красную ленту.

– Что? – как будто не расслышал Волков. – Что ты сказала?

– Вы не вернётесь, – так же спокойно продолжала Агнес, – и все, кто с вами пойдёт, тоже сгинут.

– В шаре увидала?

– Да, стекло показало.

– И что ж там ты видела?

– Меня и Хильду трактирщик на улицу гонит, а Хильда плачет. На улице дождь со снегом, холодно. А у нас одежды нет тёплой и денег нет. А пекарь её бросил.

– А может, я ещё жив? – предположил кавалер.

– Может, и живы. Стекло того не показало. Показало, как по улице идём с Хильдой, а снег под ногами мокрый. А Хильда плачет, вас вспоминает. Ругает.

– Ты ж говорила, что до старости я доживу, – Волков сел рядом. – Ты в шаре видела.

– Может и доживёте, я видела такое, – она кивнула, – так то раньше было, что теперь будет, я не знаю, знаю только, что поп к вам придёт сейчас.

– Что за поп ещё? – спросил Волков.

– Дурной поп, похабный, не берите его с собой. Меня возьмите, если я с вами буду, то тогда и вернётесь вы.

Она первый раз за весь разговор взглянула на него:

– Без меня пропадёте вы там.

– Забудь, – кавалер даже чуть посмеялся, – не поедешь ты в чумной город, ишь, хитрюга, придумал: сгину, значит без неё, – он наклонился к ней. – Я ваши бабы хитрости насквозь вижу. Не дури меня.

А девочка смотрела на него без тени улыбки на лице:

– Сгинете, не знаю как, но пропадёте там без вести.

Он хотел ответить ей было, хотел что-то строгое сказать, осадить наглую, да не успел, дверь отворилась, и показался Ёган и произнёс:

– Господин, вас какой-то поп желает видеть.

– Что ещё за поп? – удивился Волков.

– Да так себе поп, драный какой-то, – отвечал Ёган.

Он взглянул на Агнес, а та даже не смотрела в его сторону, продолжала теревить ленту, как будто всё это её не касалось. Сидела на кровати холодная, бесстрастная, бледная, неприятная. И улыбочка мерзкая на губах. Насмешка, а не улыбка.

Её мышинное лицо было абсолютно спокойно, она была уверена, что кавалеру некуда деваться, он возьмёт её с собой, а тот видел её уверенность, и в нём просыпалось его родное, столько раз ставившее его на край гибели, упрямство.

– Тут останешься, – твёрдо сказал он тоном, не допускающим возражений, – будешь ждать меня. Ребёнка, да ещё и бабу в мор не возьму. Молиться за меня будешь тут.

– Да как так-то? – воскликнула Агнес возмущённо, от её спокойствия не осталось и следа. – Я ж...

– В покои свои иди, – всё тем же тоном закончил кавалер.

Волков развернул роскошный свиток с алой лентой и сургучной печатью, стал читать. Читал – удивлялся. Поглядывал на отца Семиона. Ёган, как всегда точно, нашёл ему описание. Поп действительно имел вид то ли недавно битого, то ли собаками драного человека. Ссадины и синяки были уже старые, а вот сам священник был не стар и на вид крепок, а сутана его была многократно штопана и оттого крива. Кавалер дочитал письмо до конца и по привычке своей начал читать сначала. Отец Семион терпеливо ждал. Наконец кавалер отложил свиток и спросил отца Семиона:

– Знаешь, куда я иду?

Он решил говорить ему «ты», чтобы у попа не было никаких сомнений, кто тут будет главный.

– В Фёренбург, – смиренно говорил поп, – спасти мощи.

– Там чума, – напомнил кавалер.

– То всем известно.

– Что ты такого натворил, что тебя со мной отправляют? – кавалер усмехнулся. – Доброго попа со мной бы не отправили.

– Тяжки грехи мои, и в смирении несу я кару свою. Велено с рыцарем Фолькофом в мор идти – пойду в мор, велено будет в огонь идти – пойду в огонь. На всё воля Божья. Сделаю, как велели.

– Кто тебе велел? И что тебе велели? – спросил Волков, который, помня слова Агнес, не очень-то был рад этому человеку.

– Велел мне к вам явиться прелат отец Иеремия. Он же велел вселять в сердца людей ваших огонь Божеский, – отвечал отец Семион, не добавляя к тому, что и канцлер отец Родерик тоже дал ему наставления. И о тех наставлениях кавалеру знать не должно было.

– И что это за прелат, зачем ему это? – продолжал интересоваться кавалер.

– Он глава капитула дисциплинариев, отец, известный чистотой нравов и силой веры. Патриарх и пример всем живущим, – со смирением говорил поп, закатывая глаза в потолок.

«Мошенник, – сделал о попе вывод Волков, – прислали, чтобы следить. Боятся, что много себе возьму, коли дело удастся, а коли не удастся и сгинем там, то такого попа и не жалко будет. Права была Агнес, гнать бы его, да на письме подпись самого архиепископа стоит, да с печатью. Попробуй погони».

– Если монсеньор архиепископ просит тебя взять – возьму, когда выходим – не знаю, людей ещё нет у меня. Жить будешь на конюшне, в покоях места тебе нет, столоваться с людьми моими будешь.

– Многого мне не нужно, – смиренно говорил поп, – поницентию, епитимью возложил на меня прелат, хлеб и вода для удержания души в теле, и не более.

«Ну да, такую морду и плечи на хлебе и воде ты не отъел бы, пожрать, либо, не дурак», – думал кавалер, разглядывая попа. Потом сказал: – Ступай, найди брата Ипполита, помогать ему будешь.

Отец Семион поклонился и пошёл искать брата Ипполита.

Пока кавалер говорил с попом, Рудермаер и Пилески ждали своей очереди. Они пришли просить денег на уборку участка и покупку материалов. Кавалер позвал Сыча:

– Вот этот рыжий Яков Рудермаер, – сказал Волков, – мастер-оружейник.

– Знаю его, экселенц, пару раз уже за столом сидели, – кивал Фриц Ламме по кличке Сыч.

– Просит денег на очистку моего участка и покупку материала.

– Да, – сказал Рудермаер, – мне нужны брёвна, брус, тёс, скобы и гвозди. И ещё нужны будут деньги на рытьё колодца, за стеной река, думаю, рыть много не придётся, отдадим за колодец не больше двух монет, итого на всё нужно десять талеров.

– Деньги дам тебе, – сказал Волков Сычу, – рассчитывать будешь ты, всё считай, коли можно бери бумагу с подписью, торгуйся за каждый крейцер. На слово никому не верь, плати всегда после.

– Понял, экселенц, – кивал Сыч.

– Аптекарь, – продолжал кавалер, – ты нашёл мне сарацинскую воду и уксус?

– Искал, господин рыцарь, в городе столько сарацинской воды не нашлось, едва ли пять вёдер наберётся, да и та плохая, разбавленная, и много просят за неё, я подумал, что сам бы мог её нагнать, будь у вас пара недель.

– Нет у меня пары недель, – сказал Волков, – а как отличить хорошую воду от плохой?

– Плохая не горит.

– Не горит? – удивился кавалер.

– Хорошая вода двойной перегонки горит. На свету пламенем почти невидимым, а во тьме видимым, синим. Есть и другие способы распознать добрую воду.

Тут в трактире появился монах Ипполит вместе с отцом Семионом.

– Монах, – окликнул его кавалер и полез в кошель, – пойдешь с аптекарем, покупайте сарацинскую воду, торгуйтесь, говорите, что надобна она на богоугодное дело, – он указал на отца Семиона, – этого с собой возьмите.

– Господин рыцарь, – заговорил Пилески, – воды сарацинской не много нашёл, зато нашёл крепкого уксуса, почти задарма, хоть бочку, хоть две купить можно.

– Отлично, Ипполит, запрягай телегу, покупайте всю воду и две бочки самого крепкого уксуса, – Волков выложил на стол несколько монет. – Ты главный будешь.

– Да, господин, – молодой монах явно обрадовался. – Всё сделаю.

Когда Роха говорил, что приведёт сброд и шваль, он не врал. Волков подъехал к этому сборищу, и половина из этих людей даже не встала с земли при его приближении до тех пор, пока их главный не рыкнул на них. Только тогда они стали шевелиться и строиться. Не слезая с лошади, кавалер разглядывал этих людей и ничего, кроме неприязни, к ним не испытывал. Доспех кое-какой у них водился, оружие тоже, даже пара мечей имелась, но ни одной пики, ни одной алебарды. Пара, всего пара неказистых и немолодых арбалетчиков, со старыми арбалетами. Солдаты эти больше напоминали дезертиров, чем добрых людей. А на лбу одного так и вовсе красовалось клеймо. Кавалер напротив него остановился и спросил:

– Вор?

– Так то давно было, – нагло заявил клеймённый. – Сейчас солдат.

Волков поехал дальше, остановился ещё у одного неприятного типа, тот был в дорогом рыцарском шлеме, худой, с недобрым взглядом.

– Под чьими знамёнами воевал? – спросил у «рыцарского шлема» кавалер.

– Под разными, – буркнул тот.

– Под какими разными? – чуть склонился с коня Волков.

– Да всех я и не припомню, – с раздражением отвечал «шлем», – что мне их, в поминальную книгу, что ли, записывать.

И тут к Волкову быстрым шагом подошёл их главный. Был он не стар, лет за сорок слегка, бодр и крепок. Доспех имел хороший. А из-под шлема торчал его крупный нос, красный от полнокровия, и под носом были усы – пегие, торчащие в разные стороны щётки. Бодрый шаг и чёткость движений говорили о его неплохом физическом состоянии. Он заговорил с солдатом в рыцарском шлеме:

– Эй, Вшивый Карл, ты говори с господином кавалером повежливее. Не то пойдёшь на вольные хлеба.

– Да я и ничего, – сразу сбавил спесь солдат в рыцарском шлеме. – Он спросил, я ответил.

– Повежливее отвечай, болван, ты не в кабаке, – и тут же продолжил, обращаясь уже к Волкову, – разрешите представиться, господин кавалер, капитан Пруфф. Иоган Пруфф. Воевал под знамёнами Его Высокопреосвященства два похода, под знамёнами ландкомтура Корененбаха дважды был в осаде, под знамёнами юного графа Филленбурга, – он понизил голос, – сына нашего архиепископа, сбивал осаду с Ланна, был в сражении при Реденице. Четырежды ранен.

– Так вы капитан? – спросил Волков, делая вид, что осматривает окрестности. Даже руку к глазам приложил, чтобы солнце не мешало глядеть.

– Да, господин кавалер, – продолжал Пруфф.

Господин кавалер так и не нашёл того, что искал, и спросил:

– Капитан, а это все ваши люди, или у вас есть ещё человек четыреста, пара лейтенантов, два-три ротмистра, десяток сержантов. И ещё я не вижу пик у ваших людей, наверное, они в обозе. Раз вы капитан, у вас, скорее всего, есть обоз телег из двадцати, и лошади, и возницы, и кашевары. Штандарт у вас должен быть, где ваш штандарт, не вижу?

– Ничего такого у меня нет, – ни секунды не задумываясь и абсолютно не смущаясь, отвечал Пруфф.

– А зарплату вы хотите, как и положено капитану, десять офицерских порций?

– Именно такую и хочу, как и положено капитану, – заявил капитан.

– Ты бы не зарывался, Иоган, – сказал Скарафаджо, подходя к ним, – ты хочешь получить за дело тридцать монет, хотя весь твой сброд не стоит столько.

– Мои ребята стоят пятьдесят монет за две недели, – заявил капитан Пруфф, – это проверенные люди.

– И где ты их проверял? – Роха откровенно смеялся. – В трактире?

– Подожди, Роха, – сказал Волков. – У меня всего сорок пять талеров, и других не будет. У вас, – он ещё раз окинул взглядом людей Пруффа, – тридцать два человека. Дам вам сорок пять монет на всех. Это вместе с вашими порциями.

И тогда капитан отозвал его в сторону, чтобы никто не слышал. Волков поехал вслед за ним. И отойдя на нужное расстояние, капитан заговорил:

– Мне нужно двадцать два талера, а вам не нужно столько людей, предлагаю взять двадцать три человека, выберу лучших и уговорю их на талер.

– Выбирайте лучше местных, – чуть подумав, отвечал кавалер, – пусть все будут местные и пусть будет двадцать три, но скажите, что оплата будет только после дела. Вперёд ничего никто не получит.

– Но мне нужно вперёд, – заявил капитан.

– Никто ничего вперёд не получит, – твёрдо произнёс Волков.

– Мы можем оттуда не вернуться.

– Никто ничего вперёд не получит, – повторил кавалер. – А чтобы оттуда вернуться, вы будете делать все, что я вам скажу.

Волкову не нравился этот «капитан» и не нравились люди этого «капитана». Он готов был тут же распрощаться с ними, считая, что лучше вообще ехать без солдат, чем с такими. Но Иоган Пруфф, видимо, сильно нуждался в деньгах, поэтому сказал бойко.

– Вижу, вы твёрдый человек, именно такой нам и нужен, мы согласны.

Кавалер молчал, уж и не зная, радоваться тому или нет, раздумывал, как отвести эту банду и не придумал ничего лучшего, как подъехать к ним и заговорить:

– У меня на всех на вас будет всего двадцать три талера.

Он надеялся на то, что тут же солдаты начнут возмущаться, а может, и дерзить, но те только недовольно загудели. Поняв, что ничего не происходит, он продолжил:

– Ваш капитан отберёт двадцать человек. И они пойдут со мной в чумной город.

На этот раз люди даже не гудели, стояли, внимательно слушали.

– Идём в Фёренбург. Заберём там мощи и отвезём их в Вильбург, на то епископ Вильбурга дал нам денег, а архиепископ Ланна дал своё благословение и даже выделил нам попа, – он сделал паузу и добавил, – конечно, из тех, кого не жалко.

Солдаты оценили шутку, засмеялись, особенно громко и заразительно смеялся сам капитан. А Волков предпринял ещё одну попытку распрощаться с этими солдатами:

– Если кто-то из вас надеется пограбить дома, даже не надейтесь. Я этого не допущу. Сразу – верёвка. Если будет добыча, то всё будет делиться по солдатскому закону. Если кто-то надеется, что спрячет пару гульденов в зад, пусть молится Богу, чтобы я об этом не узнал, иначе он получит всё ту же верёвку, и будет висеть и гнить, пока эти гульдены не вывалятся из него. Если кто-то ослушается или вздумает со мной спорить, верёвки не будет, – он убедительно похлопал по мечу. – Все споры решаются по солдатскому закону, все претензии ко мне может высказывать или ваш капитан, или, если его убьют, выборный корпорал. Я беру вас на две недели и плачу вам один талер.

Он замолчал. Внимательно следил за солдатами. Те были явно не рады таким условиям, но среди них кавалер не видел тех, кто собирался уходить. А Волков так надеялся на это. Сам он уже не мог их отослать, это было бы бесчестно.

– Кавалер, – наконец заговорил один из солдат, – так добыча там может быть?

– Добыча бывает в городе врага, Фёренбург находится в земле другого господина, курфюрста Ребенрее, как ты думаешь, наш архиепископ воюет с этим курфюрстом?

Всем всё стало ясно, и тут солдаты сбились в кучу, стали негромко совещаться, капитан подошёл к ним, принял в совещании участие.

Волков, Роха и Ёган ждали. Наконец, поговорив, к ним подошли капитан Пруфф, и солдат в рыцарском шлеме по имени Вшивый Карл, и ещё один старый солдат, и капитан произнёс:

– Это, – он указал на старого солдата, – наш корпорал Старый Фриззи, это наш сержант Вшивый Карл, мы согласны, но с одним условием.

Волков подумал, что это шанс избавиться от всей этой банды, и внимательно слушал.

– Мы хотим, чтобы все причитающиеся нам деньги вы, кавалер, положили в дом Ренальди и Кальяри, чтобы в случае нашей смерти, по прошествии месяца, наши родственники могли их получить.

Это был прекрасный повод послать весь этот сброд к дьяволу. Кавалер оглядел всех солдат, лица людей были напряжены, а люди все глядели на него, и молодые, и старые, и ждали его решения. И тогда он произнёс:

– Это разумное условие. Я согласен.

Он не мог ответить иначе. Он видел таких людей всю свою жизнь, это были солдаты, такие же, как и он когда-то, солдаты, что сидят без денег и которым нужно кормить свои семьи.

– И ещё, господин, – заговорил Старый Фриззи, – мы с ребятами посоветались, и просим взять всех, никого не выгонять, за ту же плату, за всех двадцать три монеты. Деньги нужны всем, господин, надеемся, что от одного мешка бобов вы не обеднеете, если ещё двенадцать ртов пойдут с вами, а в бою, если случится, тридцать два человека лучше двадцати будут.

– Пусть будет так, – ответил кавалер.

Теперь уже не было смысла торговаться, мешок бобов или два, какая разница. Он брал этих людей.

Глава 8

Пруфф повёл своих людей в город, они уходили в хорошем настроении. А вот Волков не сказать, что был весел, он скептически смотрел им вслед. Видя это, Роха произнёс:

– Ты сам просил их привести.

– Я ничего и не говорю, – отвечал кавалер.

– Мог бы выгнать их к чертям.

Волков промолчал.

– Добренький ты стал, – продолжал Роха.

– Ты говорил, что Пруфф дурак, не такой он уж и дурак оказался.

– Не волнуйся, он себя ещё покажет, – заверил Скарафаджо. – Да где эти чёртовы Хилли и Вилли?

– Кто? – не понял кавалер.

– Да эти два вчерашних сопляка, одного из них зовут Хельмут, другого Вильгельм, а, вон они плетутся, ладно, пойду, научу их пользоваться мушкетом. Может, успеют выстрелить хоть раз, прежде чем их прикончат.

Кавалер увидел, как из городских ворот вышли два мальчишки, тащивших мушкет, завернутый в тряпку и какое-то ведро. Дождаться их Волков не стал, поехал в город, при встрече с мальчишками кивнул им в ответ на их низкие поклоны.

Кавалер был невесел. Нет, не таким видел он свой отряд, не таким. Да винить тут было некого. Кроме себя самого да жадного епископа, который выделил на всё так мало денег.

Агнес вошла в покои, где полураздетая Брунхильда подшивала подол исподней батистовой рубахи и напевала при этом. Агнес встала рядом, всем своим видом показывая раздражение. Хильда не могла не заметить этого, а заметив, спросила с вызовом:

– Чего?

– Господин нас с собой брать не хочет, без нас поедет, – сказала Агнес.

– Ой, да нехай катится, – с заметным разрезением отвечала Брунхильда. – Хоть отдохну от него. А то одни запреты, я ему жена, что ли? Денег оставит-то нам?

– Он едет в чумной город, он там сгинет, – зло сказала Агнес.

– Да откуда ты знаешь? – язвительно спросила красавица девочку.

– Знаю.

– В шаре своём видела?

– Видела.

– Так скажи ему.

– Говорила – не слушает! – заорала Агнес. – Упрямый он.

– Что ты орёшь-то? – разозлилась Хильда и, откинув шитьё, вскочила. – Чего разоралась, дура блаженная?

– Я не блаженная! – злилась девочка. – Это ты шалава трактирная.

– Да хоть и так, – Хильда встала руки в боки, и с улыбочкой, – зато не косоглазая.

– Зато беззубая, – заорала Агнес.

И едва не получила пощёчину, Брунхильда сдержалась. Пошла села на кровать, взялась за шитьё. Агнес села рядом и начала:

– Он там сгинет.

– Да и ладно, – холодно сказала красавица.

– Мне-то не ври, – Агнес смотрела на неё пристально, – знаю я, что ты его всё время ждёшь.

– А чего мне его ждать, он мне не ровня. И раньше был не ровня, а теперь и подавно, – девушка начала шить, да уже не шилось ей, – ему и раньше дочки баронов грезились, а теперь и вовсе принцесс подавай.

– Хильда, – Агнес притронулась к руке красавицы, – сгинет он там без нас. Куда пойдешь, когда одна останешься?

– А что делать-то? Ты скажи. Упросить его?

– Не упросим мы его, не возьмёт он нас в чумной город. Мы сами поедем, следом за ним.

– Сами? Да на чём же?

– На пекаре твоём, – зло сказала девочка. – Он от тебя совсем сомлел, – говорила она с едва скрываемой завистью, Агнес тоже становилась взрослой, – телегу с лошастью наймём, а пекарь твой с нами поедет. Поговори с ним, поедет, сможет?

– Поманю, так пешком побежит, – надменно сказала Брунхильда и, отбросив шитьё, стала расчёсывать волосы. – Сегодня придёт и поговорю.

Агнес согласно кивала:

– Пообещай ему, что давать ему будешь всю дорогу, что с нами будет.

– Да уж не учила бы ты меня, – высокомерно заявила красавица.

– Нет, ты ему пообещай, – настояла Агнес, – а то не согласится.

– Ладно, ладно, – сказала Хильда, лишь бы девочка отстала.

А та сидела рядом, смотрела, как красавица расчёсывает волосы. Явно она не закончила разговор.

– Ну чего ещё-то? – спросила Брунхильда, подвязав свои роскошные волосы лентой.

– Надо будет взять у господина стекло, – твёрдо сказала Агнес.

– Так я и знала, а говоришь, что ты не блаженная, а ты блаженная, только и думаешь, как в шар пялиться. А потом будешь валяться день с ночью. А глаза твои косые будет ломить... Вот не плачься мне потом.

– Да дура ты, я для дела. Только чтобы знать, что с господином случится. И с нами. И с тобой.

Брунхильда молчала. Потом сказала:

– Ну так иди да возьми, он целыми днями шастает где-то. В покоях его никого. Чего проще-то.

– Боюсь я, – сказал девочка, – вдруг поймает или прознает как. Накажет или выгонит.

– А меня не накажет?

– Да кто из мужиков тебя-то накажет? У них для тебя только одно наказание – ляжки тебе раздвинуть. О том только и мечтают, – говорила Агнес.

Брунхильде польстили эти слова, она помолчала для важности и потом сказала:

– Ладно, возьму для тебя шар.

– И с пекарем поговори, – не забыла Агнес.

– Поговорю, – сказала красавица, скинула рубаху из полотна, стала надевать батистовую, потом глянула на девочку, – а что ж ты свой батист не носишь?

– А мне и не перед кем, – отвечала девочка.

Всё завертелось, дела пошли, деньги улетали с невероятной быстротой. Несмотря на свою прижимистость, Волков не жалел их.

Отряд получился немалый, пришлось докупить пару телег и четыре мерина, только после этого он смог взять всё, что считал нужным. Бочки с уксусом и сарацинской водой, провиант для людей, фураж для лошадей, дешёвые рабочие перчатки и рукавицы, которые монах с попом скупили аж сорок пар. Он тратил свои деньги, хотя не получил ещё письмо от епископа, который бы благословил лишние траты и обещал бы их возместить. Даже если бы епископ не возместил их, кавалер не расстроился бы сильно. Он был уверен, что в случае успеха он вытрясет из

епископа деньги. А в случае неуспеха... Он всё время думал о неуспехе. Эта мысль приходила к нему с пробуждением, изводила весь день и не покидала, пока он не засыпал. Он всё время вспоминал солдата из отряда корпорала Литбарски и его слова о чуме. Тот солдат был прав.

С чумой Волков был знаком немного, во время южных войн, она быстро прошла мимо него на север, выжгла, засыпала трупами один портовый город и ушла. Его рота вошла в тот городок, чтобы в порту принять с корабля ядра, и порох, и картечь, которые были нужны для осады. Город был тих и пустынен, и даже солнце и весна не избавляли солдат, шедших по нему, от гнетущего ощущения смерти. И это ощущение начиналось с запаха. Неистребимый, не выдуваемый весенним ветром запах мертвечины, старой падали, что клубился вокруг чёрных пятен на мостовой и чёрных луж, над которыми роились мухи. Молодой солдат Ярослав Волков уже давно знал этот запах, так воняли рвы у крепостей, переживших штурм, или большие поля под солнцем, где недавно ещё насмерть рубились люди. Но под крепости и на поля сражений нобили сгоняли мужичьё, чтобы похоронить мёртвых. Непримиимые враги даже устраивали перемирия для этого, а тут никто мёртвых не хоронил, они и в домах, и на улицах лежали неделями, превращаясь на солнце в чёрные зловонные лужи со скелетами, в которых пировали тысячи разнообразных червей.

И тут солдаты увидали того, кто убирал мертвецов в этом городе. На одной из улочек, что пересекала главную дорогу, стоял приземистый человек. Был он в кожаном переднике до земли и с лицом, замотанном тряпкой до глаз. Он глядел на солдат, а его руки в огромных рукавицах сжимали палку в восемь локтей с большим крюком на конце. А перед ним, на мостовой, лежал труп. Это был измождённый мужчина в грязной, с чёрными пятнами, одежде. Сам он был худ, но его багровая с буграми и кровоточинами шея была толщиной с ляжку крепкого мужа. Шире его головы.

И тут вдруг «труп» попытался согнуть ногу в колене. Пошевелил рукой. Мужик с крюком это заметил, он ткнул беднягу торцом своего орудия, для острастки, а потом зацепил его крюком под мышку, и поволок прочь, прилагая усилие, ещё живого, по мостовой. Уже к вечеру рота молодого солдата покинула этот город, сопровождая сорок шесть подвод с пушечным припасом.

По молодости Волков почти забыл эту картину, а теперь вспоминал и вспоминал. Теперь он понимал, что от чумы нельзя отбиться и договориться с ней нельзя, и в плен сдаться тоже. От чумы можно было только бежать, а вот бежать от неё он как раз и не собирался. Он собирался идти в неё. И вести в неё людей.

За всю свою жизнь Волков не видел, чтобы кто-то умел так быстро писать и считать, как это делал писарь дома Ренальди и Кальяри. Этот молодой человек, под присмотром убеждённого сединой мужа, сидевшего за его спиной в высоком кресле, обложенного множеством подушек, просто творил чудеса. Седой муж внимательно глядел не на своего писаря, а на Волкова. Кавалер чувствовал, что этот человек его изучает.

А погода была отличной, и всё действие проходило в райском саду, который окружала высокая стена. Ещё на въезде кавалер понял, куда приехал. Кто мог позволить себе огромный дом в центре города, в двух шагах от городской ратуши и ста шагах от дворца архиепископа, да ещё с садом, да ещё с небольшим фонтаном? Только старый и большой банк, каким и был дом Ренальди и Кальяри.

Список получателей – людей капитана Пруффа – был составлен за минуты, деньги были приняты и пересчитаны, расписка была передана капитану, и тот удовлетворённо спрятал её у себя под камзолом.

– Спасибо, – сказал кавалер, когда капитан ушёл. Сам он уходить не собирался.

– Комиссия с вашего дела составит всего шестьдесят крейцеров, – сказал молодой человек.

Волков достал деньги, он уже не считал расходов.

И, чуть подумав, достал и вексель от дома Рицци на сто талеров и протянул его юноше:

– Примете ли вы такой вексель?

Писарь взял вексель, прочитал его и, встав, передал его седому мужу. Что-то стал шептать ему. Тот понимающе кивнул и заговорил:

– Дом Рицци мы хорошо знаем и принимаем все его обязательства, на любые суммы. Но в этом векселе стоит имя Яро Фолькоф, а сегодняшние бумаги вы подписывали именем Иероним Фолькоф.

– Имя Иероним дано мне монахами при акколаде и посвящении в рыцари Божьи, – Волков достал бумагу, протянул её седому мужу, – здесь всё написано.

Тот прочитал бумагу и, кивая, продолжил:

– Могу только вас поздравить, тем не менее, нам нужно будет сделать запрос в дом Рицци с почтовой оказией. Это займёт неделю, не больше. К сожалению, по-другому нельзя. Рицци должен ратифицировать вексель и ваше новое имя. Вы должны понять, ваше имя и имя на векселе не совпадают. Но ждать придётся всего неделю.

– Через неделю меня здесь не будет, – сказал кавалер.

– Тогда, – он протянул Волкову бумагу, – вам лучше обратиться к самому Рицци.

Волков бумагу не взял:

– Проверяйте, если я через месяц вернусь, заберу деньги.

– А если нет? – седой муж смотрел на него пристально, видимо, он всё ещё изучал Волкова.

– По пять талеров из этих денег...

– Пиши, – приказал седой муж писарю, тот стал записывать.

– Агнес и Брунхильде, что живут сейчас в трактире «Три висельника».

– Есть ли у них фамилии? – спросил писарь.

– Нет, пиши Рютте обеим.

– Они сёстры?

– Нет, из одной деревни.

– Хорошо, – сказал седой муж, – а что делать с остальными деньгами?

– Остальные передать Марте Фолькоф из Руусдорфа, матери моей. Сможете найти?

– Сможем, но если в нашем городе мы бы передали деньги без комиссии, то дело в Руусдорфе будет для нас затратно. Люди, дороги, корреспонденция, прочие траты.

– Пусть. Если не будет матери моей в живых, передать деньги сёстрам моим Марте и Герде, урождённым Фолькоф.

– Хорошо, мы всё сделаем, – сказал муж, убелённый сединами, и с трудом вылез из кресла, – простите моё любопытство, неужели вы и вправду собираетесь идти в чумной город?

– Да, – коротко отвечал кавалер.

– Я Фабио Кальяри, партнёр этого дома, восхищаюсь вашей храбростью, и у меня к вам дело, – он взял Волкова под локоть и повёл по саду. – Расскажите мне о себе, уважьте просьбу старика.

– Что вы хотите знать?

– Хотел бы знать всё, но это займёт много времени, расскажите, что вы хотели сделать, покупая землю в городе. Дом там вряд ли будет удобен.

– Вы знаете про землю?

– Это моё ремесло, невежды думают, что банковское дело – это деньги, а на самом деле банковское дело – это знания и выстраивание связей. И знания тут главные. Все сделки с землёй в нашем герцогстве, и тем более в городе, привлекают наше внимание.

– Значит, вы и обо мне разузнали?

– Разузнали, разумеется, но мне бы хотелось послушать и ваш рассказ.

– Мне скрывать нечего, и ничего нового вы от меня обо мне не услышите, кроме того, что слышали. Я на войне с четырнадцати лет, то есть почти двадцать лет в солдатах. Долго воевал в южных войнах, ну и с еретиками тоже, потом пошёл на службу в гвардию герцога да Приньи, там воевал на севере только с еретиками. Избран корпоралом роты, был правофланговым, на последнем годе службы герцог оказал мне милость, я был зачислен в охрану его штандарта и был глашатаем его приказов. По ранению покинул гвардию, служил одному барону в земле Ребенрее. Был замечен епископом Вильбурга, он послал меня сюда, архиепископ произвёл меня в рыцари Божьи. Всё. Если у вас есть ко мне дело – говорите.

– Думаете, что у меня к вам дело? – улыбался Фабио Кальяри.

– И оно, как я понимаю, конфиденциальное, – произнёс кавалер.

– Да, у меня к вам есть дело. И, как и все дела, которые затрагивают дома, подобные нам, оно конфиденциально, – произнёс Кальяри. – Я должен был узнать о вас больше. Я хочу убедиться, что никто никогда не узнает о том, о чём я вас буду просить.

– Я должен написать расписку? – усмехнулся Волков. – У вас, богатых господ, расписки заменяют слова.

– У нас – да, так и есть, но у вас, у рыцарей, ведь всё по-другому, и поэтому мне будет достаточно вашего слова.

– Разговор идёт о преступлении? – спросил рыцарь.

– Разговор идёт о преступлении, – отвечал банкир, кивая головой и улыбаясь.

– Я рыцарь Божий, не к лицу мне порочить себя разбоем или кровью.

– Никакой крови, никакого разбоя, я бы вам такого и не предложил бы. Мне нужно, чтобы вы сожгли один дом в Фёренбурге. Всего один дом.

– Дом?

– Да, большой и красивый дом.

– Может, его лучше обыскать? Может, там что-то вам нужно?

– Нет, ничего вы там не найдёте ценного, хозяева вывезли всё, когда пришёл мор. Кроме архивов. Архивы большие, вывезти их не удалось. Архивы должны сгореть, знаете, что это?

– Бумаги.

– Бумаги. Бумаги, которых не должно быть. Пусть они сгорят.

Рыцарь молчал, ждал, пока банкир скажет главное. И тот сказал:

– Двадцать гульденов еретиков, или двадцать шесть эгемских крон, или двадцать два пехина. Любое золото, какое пожелаете.

– Надеюсь, это не церковь. Такой же банк, как и ваш?

– Хуже, это дом Хаима, Хаимы безбожники. Жгите спокойно. Он в самом северном конце города, недалеко от северных ворот, рядом с их вместилищем безбожия, с синагогой. Синагога справа от дома, похожа не на храм, а на склад. На воротах дома роза. Розы прекрасной работы, прекрасны, вы их узнаете сразу. Это герб Хаимов. Вы не ошибётесь.

Кальяри замолчал, ждал решения рыцаря.

– Сжечь банк ростовщиков-безбожников дело богоугодное, – сказал рыцарь, чуть подумав. – Я возьмусь за такое дело, – он помолчал и продолжил, – а не найдётся ли у вас старой имперской марки? Если есть, то дайте мне её, как аванс. Такая марка пару раз спасала меня.

– Да пребудет с вами Господь, – сказал банкир. – А марку получите у моего писаря, и не как аванс, а как подарок. Пусть она принесёт вам удачу.

Это была щедрость, банкир искал расположения рыцаря. Золото всегда нуждается в железе. Они поклонились друг другу.

Когда они выехали из дома Ренальди и Кальяри, у Волкова заметно улучшилось настроение, а у Ёгана за пазухой лежала большая и тяжёлая, чёрная от старости имперская марка, отчеканенная ещё в прошлом веке. И он поехал искать кузнеца, чтобы сделать то, что делал

им умелый кузнец из деревни Рютте. Почему-то кавалеру казалось, что это может пригодиться ему в будущем деле.

Тот огромный котёл, что купил Виченцо Пилески для выварки селитры, пришёлся кстати. Его вывезли за ворота города, поставили у большого ручья, налили его почти доверху водой и стали её греть.

Всем этим руководил молодой монах Ипполит, более зрелый монах отец Семион выступал его помощником. Люди капитана Пруффа сначала не знали, что затеяли монахи, и шутили, но когда монахи предложили им снять всю одежду, кинуть её в котёл и поварить как следует, солдаты заупрямались. Но к тому времени к этому месту приехал сам кавалер и всё объяснил:

– Делайте, что велют монахи, то не блажь, а совет умного мужа, учёного! Коли хотите, чтобы язва вас миновала, делайте, что велено. Сказано варить одежду – варите, скажут монахи бриться наголо – брейтесь, мыться – мойтесь, на вас ни одной вши, ни одной гниды быть не должно. А кто откажется, того вычеркну из похода, я не допущу, чтобы из-за одного все от язвы сгинули.

Теперь перечить никто не осмелился, солдаты раздевались догола, кидали одежду в огромный чан, сами же раздобыли где-то щёлок, шли к ручью мыться.

А кавалер заказал у трактирщика свинины, пива, хлебов хороших. Всё это приехало с ним. Кашевар Пруффа затеял огонь, стал варить бобы в солдатском котле, жарить мясо на углях. Бочка с пивом была огромной. На пять ведёр. Солдаты видели всё это, радовались. А Вшивый Карл, стоя у ручья голый, перемазанный щёлоком и глиной, с пучком травы в руке, кричал громко:

– Господин рыцарь, никак завтра выходим, раз сегодня нам такое угощение готовите?

– Ты, Вшивый Карл, сделай так, чтобы все твои вши остались на берегу этого ручья, – отвечал кавалер, – а ты без них пошёл, а когда нужно будет выходить – ты узнаешь.

Солдаты посмеялись, а капитан Пруфф был серьёзен, он подошёл к Волкову и спросил тихо:

– Так что, завтра выходим?

– Да, – отвечал кавалер, – до зари будьте со всеми у «Трёх висельников», погрузимся и пойдём, чтобы к рассвету быть у ворот.

– Виват! – капитан отсалютовал пивной кружкой.

– Виват! – отвечал ему рыцарь. – Пруфф, а почему вы не проварили свою одежду?

– Потому что нет у меня никаких вшей, – чуть раздражённо отвечал капитан. Ему явно было не по вкусу, что кавалер ставит его, капитана, на одну доску с солдатнёй.

– Ну, тогда виват, – ещё раз поднял свою кружку Волков.

На кровати лежали два сюрко в цветах лазури и серебра, в его цветах, Ёган съездил к художнику забрал, пока он был за городом. И рядом, тут же на кровати, лежали болты с серебряными наконечниками и главная вещь. Его штандарт. Это был небольшой штандарт, большой ему был не нужен, но удивительно красивый. Он уселся на кровать, взял его в руки, стал рассматривать герб. Пришла Брунхильда.

– Звали, господин? – спросила она без обычного вызова.

– Утром ухожу, – просто сказал Волков.

Он думал, что она опять начнёт канючить, что-то просить, выторговывать, злиться и причитать. Но девушка ничего не сказала, стала снимать с себя платье, и рубаху скинула, села на кровать рядом с ним голая, обворожительно красивая, и, поглядев на его штандарт, произнесла:

– Красота какая, синенький цвет такой яркий, и белый тоже.

– Они называются лазурь и серебро.

- А у птички глаз какой алый! Страшная птица у вас.
- Глаз называется рубиновый.
- Рубиновый, – повторила она. – Как будто глядит на меня.
- Я оставил вам деньги, если не вернусь, через месяц пойдёте в банк Ренальди и Кальяри.

Вам с Агнес дадут по пять монет.

- Хорошо, – просто сказала красавица.

И больше ничего.

Её поведение всё больше удивляло кавалера.

Он смотрел на неё и не узнавал, до тех пор пока рука сама не потянулась к её груди. Грудь была тяжёлая и твёрдая как камень, только тёплый камень. Так он и держал её грудь, словно взвешивал.

– А за месяц я за вашу комнату заплатил, и за конюшню заплатил, двух коней дорогих брать с собой не буду. Если не вернусь – продадите. Они пятьдесят талеров стоят.

Он замолчал, ожидая слов благодарности, а она смотрела на него и молчала, а потом скинула штандарт, что лежал на его коленях, на пол, обхватила его шею руками, притянула и поцеловала в губы так, как никогда его ещё не целовала. Нежно. И не выпускала долго.

Была уже ночь, в трактире никого не было, Волков сидел один, да ещё трактирщик сидел за соседним столом – маялся. Про себя проклинал постояльца. Проклинал да не уходил, жадность не позволила бы ему лечь, пока постоялец пьёт его самое дорогое вино. А постоялец вторую бутылку пил. Сидел один и пил. Он не мог понять, почему девица так спокойно воспринимала его отъезд. Словно ей было всё равно, словно он ехал в соседнюю деревню купить корову. Видно, она нашла кого, может, это пекарь. А может, ещё кто. Гадать кавалер не хотел. Ему было не до того, ведь помимо странного поведения девицы, ему нужно было завтра вести людей в город, съедаемый моровой язвой. И как только он об этом вспоминал, тут же на ум ему приходили слова Агнес.

- Сгинете вы там, – повторил он невесело вслух слова девочки в который раз.

И эти пророчества его совсем не удивляли. Он допил вторую бутылку, он был уже пьян. Скоро нужно было уже вставать. Скоро солдаты его должны были прийти и начать грузить подводы, запрягать лошадей, завтракать плотно в дорогу. А он ещё не ложился. Он встал и пошёл в свои покои, где в тёплой кровати спала красивая молодая женщина. И трактирщик пошёл, не понимая до конца, рад он, что можно лечь спать, или не рад, что больше не сможет продать сегодня такого дорогого вина.

Глава 9

Солнце первыми лучами едва осветило туман, что клубился у ручья, как южные ворота славного города Ланна распахнулись. И из них выехал рыцарь Божий Иероним Фолькоф, за ним двое людей его в лазури и серебре, цветах его. Один из них, тот, что выше, вез штандарт его, с чёрным вороном на лазури и серебре, с глазом рубиновым и факелом в лапах, пламенем на восток. А за ними ехал капитан Иоган Пруфф в белом доспехе, а за ним шли люди его, тридцать два человека, а за ними катились четыре подводы, полные припасов и бочек и в коих были ещё и два монаха и старый увечный на ногу солдат Игнасио Роха по кличке Скарафаджо. А уже последними шли два юноши добрых, Вильгельм и Хельмут, взятых рыцарем в люди свои, и несли они мушкет, рогатину под него, огненное зелье и пули. Всё то, что солдатам положено нести самим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.